

Ш. БИЛОВ, И. ДРУКЕР

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

1859—1939

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
И КРИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Государственное издательство национальных
меньшинств УССР

Киев 1939

Ш. Б И Л О В, И. Д Р У К Е Р

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

(Биографический очерк)

„Где бы я ни умер, похороните меня не среди аристократов или богачей, а только среди простых евреев-рабочих, вместе с подлинным народом, так, чтобы памятник, который будет потом поставлен на моей могиле, украшал скромные могилы вокруг меня и чтоб эти скромные могилы украшали мой памятник точно так же, как простой честный народ украшал при жизни своего народного писателя“.

(Из завещания Шолом-Алейхема)

Гениальный народный писатель Шолом-Алейхем в продолжение тридцати трех лет не выпускал из рук пера художника. Он никогда не ощущал недостатка в темах или отсутствия проблем. Ибо он все дни своей творческой жизни был тесно связан с действительностью и с широкими народными массами.

Он не пропускает ни одного серьезного события, ни одного значительного процесса в жизни еврейских народных масс в России.

В его неподражаемых, высоко-художественных произведениях мы видим полное отражение того переворота, который капитализм внес в жизнь еврейского местечка, мы видим распад мелкой буржуазии, ужасающее политическое бесправие еврейских масс, массовое переселение в Америку, эксплуатацию, политическое пробуждение народных масс и революцию 1905 года.

Шолом-Алейхем создал огромную галерею образов трудовых людей, народных художников, революционеров, талантливых детей, „людей воздуха“, богачей-выскочек, богачей потомственных.

И именно поэтому так разнообразно звучит его подкупающий юмор, его волнующий, заразительный смех. Шолом-Алейхем то смеется добродушно, то зло насмехается, то сочувствует, то разоблачает.

Рисуя трагедию еврейских народных масс в царской России, их экономическую беспочвенность, бесперспективность их положения, их забитость и угнетенность, Шолом-Алейхем в то же время открывал те здоровые народные силы, которые бодрили и поддерживали широкие массы в их тяжелом невыносимом положении.

Великий реалист Шолом-Алейхем поднял народный язык до высочайшей художественной простоты, и его произведения стали образцом ясности и доступности.

Из произведений Шолом-Алейхема так и бьет родник народной мудрости, остроумия. Они полны гнева, лиризма и оптимизма.

Великий юморист Шолом-Алейхем выражал вековую ненависть трудящихся масс к богачам и эксплуататорам. Он превращает народную мудрость, народную поговорку в острое орудие борьбы против господствующих классов и их лакеев.

В целом ряде произведений он остро и язвительно насмехается над всеми Бланками, Бродскими, Поляковыми, Фамилиантами, Педоцерами и пр.

Шолом-Алейхем, подобно своим народным героям, подобно Тевье, постоянно надеялся на лучшие времена в новой, освобожденной России. И поэтому Шолом-Алейхем всей душой был привязан к своей родине, к своей „батьковщине“, как любил выражаться Тевье. Шолом-Алейхем ясно видел, что освобождение еврейских масс тесно связано с освобождением всех других народов, угнетенных и поработанных царским самодержавием, и поэтому был ярким противником царского, помещичьего строя.

Шолом-Алейхем был одним из активнейших

писателей, которого всегда занимали социальные проблемы, одним из писателей, который отражал классовую борьбу в еврейской жизни, революционные настроения и социальный протест широких масс. В творчестве Шолом-Алейхема характерно то, что все огромное количество выведенных в его произведениях народных образов и трудящихся состоит из людей, интересующихся общественными вопросами и вмешивающихся в общинные дела. В этом отношении герои похожи на самого писателя.

Шолом-Алейхем всегда чувствовал большой интерес к социальным и политическим вопросам. Жизнь еврейского народа, его бесправное положение, унижения и оскорбления, которые терпел народ, глубоко трогали писателя.

Вот почему наш читатель так любит Шолом-Алейхема, вот почему советский народ так восторгается и восхищается его произведениями.

В своем завещании Шолом-Алейхем обращается к народу: „Лучшим памятником для меня будет, если будут читать мои произведения“... Читатели всех народов нашей социалистической родины давно уже воздвигли такой „памятник нерукотворный“ великому еврейскому народному писателю.

Произведения Шолом-Алейхема переве-

дены на многие языки народов нашего Союза, выходят многочисленными изданиями, и спрос на них с каждым годом все возрастает.

Шолом-Алейхем оставил огромное художественное наследие, воплощенное в десятках томов, представляющих всестороннюю энциклопедию еврейской жизни в царской России.

Познавательная ценность галереи Шолом-Алейхемовских образов чрезвычайно велика. Наряду с великим художественным наследием Пушкина, Некрасова, Шевченко, Толстого, Чехова и Горького, произведения Шолом-Алейхема входят в великую сокровищницу богатой советской художественной культуры.

Юбилей 80-летия со дня рождения Шолом-Алейхема, празднуемый в 1939 году, наряду с братским юбилеем великого украинского народного поэта Тараса Григорьевича Шевченко, является демонстрацией отношения советской социалистической культуры к богатым художественным ценностям прошлого. Эти два юбилея представляют собою яркое подтверждение братства и содружества народов нашего социалистического отечества.

В то время, как в фашистских странах все культурные ценности подвергаются уничтожению и разгрому, а лучшие и славнейшие творцы культуры преследуются и изгоняются из родной страны, в то время, как

там, в фашистских странах, происходят кровавые еврейские погромы,—у нас, в нашем социалистическом отечестве, идет широкое собирание культуры всех наций во имя интернационального единства и подлинного братства всех населяющих нашу страну народов.

Особенно радостно празднуют у нас юбилей великого народного писателя еврейские массы, знающие, что та проклятая действительность, которая давила их в буржуазно-помещичьей России, исчезла навсегда. Еврейские массы не знают и больше не будут знать политического и экономического бесправия, процентных норм, гонений и унижений.

Празднуя юбилей Шолом-Алейхема, еврейский народ еще больше укрепит свою горячую и глубокую преданность социалистической стране, ставшей его подлинной свободной родиной.

1

Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович) родился 2 марта 1859 года в городе Переяславе, нынешней Киевской области. Отец Шолома, Нохим Вевикович, был „высокий, с вечно озабоченным лицом, с широким, белым, морщинистым лбом, реденькой усмехающейся бородкой, хозяйственный и богомольный еврей, знаток талмуда, библии и древне-

еврейского языка, приверженец Тальненского цадика и почитатель Мапу, Слонимского и Цедербаума, спорщик, арбитр и советчик, игрок в шахматы, знающий толк в жемчуге и бриллиантах — такова будет правильная физиономия отца нашего героя". („С ярмарки")

Нохим Вевикович был видным человеком в городе. Его дом был сборным пунктом для всех просвещенных обитателей местечка, которых привлекало гостеприимство хозяина и его интерес к мирским делам.

Шолом был по возрасту третьим среди многочисленных детей Нохима Вевиковича и в детстве получил традиционное хедерное воспитание, но уже в ранние годы Шолом проникся сильной ненавистью к хедеру.

В своем автобиографическом произведении „С ярмарки", а также и в целом ряде своих детских рассказов Шолом-Алейхем в самых мрачных красках рисует „ребе" (учителя), „ребецн" (жену учителя) и всю хедерную обстановку, приносившую детям немало страданий, физической и моральной пытки.

В своем детском рассказе „Меламед Бойез" (1905 г.) Шолом-Алейхем описывает „методы" и „педагогическую систему" меламеда (учителя) Бойеза:

„Метод ребе Бойеза состоял из одного приема: порки! Почему только порка? Ребе

объяснял это весьма логически, приводя в пример, извините за сравнение, лошадь. Почему лошадь бежит? Кнута боится! Так и ребенок. Ребенок должен бояться: бояться бога, бояться ребе, бояться отца и матери, бояться греха, бояться дурной мысли“.

Этот же „педагог“ Бойез считал, что самый великий в мире грех—это смех. Ребенок не смеет смеяться.

„Смех для Бойеза страшнее всего! Бойез сам не смеялся с тех пор, как живет, и не любит, чтоб другие смеялись. Если б лицо Бойеза засмеялось, оно, верно, выглядело бы хуже, чем у иного плачущего (бывают, бывают такие лица на свете!)“.

Мастерскую картину самого хедера Шолом-Алейхем дает в своем автобиографическом произведении „С ярмарки“.

„Значительная часть комнаты занята печью и лежанкой. На лежанке спит „ребе“, а на печи — его дети. У стены стоит большая кровать — хозяйкина кровать — с множеством подушек в головах, так что самая маленькая подушка почти упирается в потолок. Тут же на кровати, на белой простыне, лежит иногда раскатанное тонким листом тесто для лапши, иногда выделанные пирожки и бублики (в том случае, если меламедша занимается пекарством), а иногда — ребенок (в том случае, если он опасно болен). Под печью — большое

углубление „подпечник“ (в Литве называется „катух“). Там обычно кормят кур, преимущественно для продажи. У покривившейся брюхатой стены—шкаф для хлеба, для горшков и кувшинов. На шкафу—железная посуда, решето, терка и тому подобная утварь. На переднем плане, у самого входа,—кочерга, ухваты, большая, вечно полная, помойная лоханка, дырявая деревянная бадья для воды и вечно мокрое полотенце для рук. А в центре комнаты—длинный стол с двумя длинными скамьями. Это и есть, собственно, хедер, школа, где учитель обучает своих учеников. Все, как „ребѐ“, так и ученики, кричат. Хозяйкины дети, играющие на печи, кричат. Хозяйка, возящаяся в „кухне“, кричит на детей, зачем они кричат. Курицы под печью кудахчут: то кошка, тихонькая, спокойная, гладкая, спрыгнув с лежанки, забралась под печь и всполошила кур“...

Буржуазные националисты были крайне возмущены тем, что Шолом-Алейхем отважился поколебать устои хедера, этой опоры националистического религиозного духа.

Ребенок Шолом, обладавший чрезвычайно широкой фантазией и непреодолимым любопытством ко всему окружающему—к природе, людям, птицам, зверям—искал радости для своей детской души в богатой природе и во всей обстановке родного города Переяслава.

Позднее, когда Шолом подрос, на него очень большое влияние оказывала местная интеллигенция, просвещенные люди, приходившие к ним в дом, ставший в городе чем-то в роде клуба.

Шолома тянет также к сыну вдовы — Берелю, к Гергеле-вору, ко всем, кто не хочет носить ярмо родного дома и хедера, ко всем, кто бесшабашно весел, смел и полон мальчишеских затей в общих играх и забавах. Гергеле умел выкидывать удивительнейшие коленца, его ужимки и гримасы были уморительны, и Шолом сказал себе: „Вот этот как раз из моих ребят“, и заключил с ним дружбу. („С ярмарки“)

Уже в самые ранние годы будущий писатель Шолом-Алейхем проявляет удивительную способность к наблюдению, подражанию, передразниванию, высмеиванию, подшучиванию, к преображению и „игре в театр“.

Шолом-Алейхема уже и тогда привлекала к себе среда музыкантов, певцов, актеров, шутников, людей с чувством юмора и сатиры.

Все веселое и печальное, смешное и трагическое откладывалось в душе ребенка, создавая основу его будущего великого литературного дарования.

Большая любовь к миру искусства, обнаруженная Шолом-Алейхемом еще в раннем

детстве, не покидала его до конца дней. Люди одаренные, будь-то дети или взрослые, всегда притягивали к себе его внимание.

В своих произведениях он часто рисует переживаемую талантливыми людьми трагедию, связанную с тем, что люди эти лишены возможности в полной мере развить и проявить свои таланты (Степеню, Иоселе-Соловей, Рафалеско, Мотл—сын кантора и др).

После того, как дела Нохима Вевиковича потерпели крах в местечке Воронке, куда он переехал со всей семьей, им всем опять приходится вернуться в Переяслав. Но и здесь материальное положение Рабиновича не улучшается, а становится, напротив, еще тяжелее.

Нохим Вевикович окончательно разорен, в доме с каждым днем все больше чувствуется дыхание нужды. Семья почти голодает. Несчастья сыплются одно за другим. От эпидемии холеры, разбушевавшейся в городе, умирает мать Шолома, маленькая Хая-Эстер. Шолом, оставшись сиротой, вынужден потом переносить капризы, проклятия и оскорбления со стороны явившейся в дом мачехи.

Веселый, жизнерадостный и шаловливый Шолом в полной мере начинает ощущать всю горечь бедняцкой жизни. Он чрезвычайно рано надевает на себя ярмо заботы о про-

питании. Целыми днями просиживает он на скамеечке у ворот заезжего дома, который открыл отец, Нохим Вевикович, и зазывает проезжающих купцов, не обнаруживающих, кстати, никакой охоты останавливаться в заезжем доме Рабиновича.

„...Летом, в палящий зной, пекся на солнце, а зимою, на холоде, мерз как собака, укутавшись в дырявый полушубок и одетый в сапоги, которые давно уже просят к сапожнику. Постукивая ногой об ногу, он сидел все и сидел, выглядывая, не покажется ли извозчик с пассажирами, или хотя бы „бухта“. Тогда он поднимется и пойдет им навстречу: „Сюда заезжайте! Заезжайте сюда!“ Но извозчики, как назло, пролетали мимо и заворачивали в другой, более богатый заезжий двор, помещавшийся через улицу, к Рувину Ясногородскому“. („С ярмарки“)

Шолом болеет душой за своего разорившегося отца, который сидит в своей кошачьей кацавейке удрученный и несчастный, согнувшись в три погибели.

2

Под влиянием местечковых „просвещенцев“, постоянных посетителей дома Нохима Вевиковича, особенно под влиянием Арнольда

из Подворок, возникает мысль о том, что единственный путь, который может впоследствии раскрыть для Шолома двери жизни — это путь обучения в „уездной“ школе.

Арнольд, с мнением которого в доме Нохима Вевиковича, очевидно, очень считались, не устал убеждать отца Шолома: „Если вы хотите вывести его в люди, то не раздумывайте и отдайте в „уездную“. Из „уездной“ для него потом открыты будут все дороги: хотите в школу раввинов—можно в школу раввинов, хотите в гимназию—можно в гимназию“.

Шолом, который уже на собственных плечах почувствовал тяжесть бесправной жизни и уже стал относиться с антипатией к „благообразным евреям“, к сильным мира, прямо восторгался нападками Арнольда на богачей. Он начинает глубоко уважать Арнольда, „который никого не боится, всем говорит только правду, и прямо в глаза, а, главное, насмехается над богачами, а на деньги ему наплевать“. („С ярмарки“)

Нелегко далось Шолому поступление в „уездную“. „Первым камнем преткновения был дядя Пиня“. Тот никак не хотел примириться с тем, чтобы его племянник учился в русской школе и при этом нарушал бы святость субботы, ходил бы без

шапки и совершал бы бог весть еще какие грехи. И отец Шолома вынужден был поставить в школе условие, что по субботам его сын свободен.

Шолому на первых порах круто приходилось в школе, так как он был весьма слабо знаком с русским языком, и все ученики, товарищи по школе, смеялись над ним, в чем им подражали и сами учителя. Шолому тяжело было слушать эти насмешки. Ведь он сам „привык насмехаться над всем светом, а тут вдруг оказывается, что другие над ним смеются!“

Будучи, однако, очень способным мальчиком, Шолом весьма скоро овладел русским языком, успешно усваивая также и другие предметы, которые преподавались в школе. За отличные успехи в учебе ему даже назначена была стипендия.

В школьные годы юный Шолом выказывал особый интерес к географии. Далекие, неведомые страны дают неисчерпаемую пищу его пылкой фантазии. Молодой Шолом Рабинович тогда, конечно, и не думал о том, что будущему писателю Шолом-Алейхему придется видеть на своем веку немало стран, ездить по далеким океанам и, покинув родину, против собственной воли поселиться на чужбине.

После трех лет учения Шолом кончает

школу, и перед ним встает сложный вопрос: а дальше куда?

После неудачной попытки поступить в Житомирскую школу раввинов, куда его не хотели принять из-за предстоящего ему отбытия воинской повинности, Шолом, ища средства к существованию, начинает давать „частные уроки“, становится учителем-репетитором.

Тяжелые условия жизни и гнетущая атмосфера, созданная в доме сварливой мачехой, заставляют юного Шолома оставить отцовский дом и начать вести самостоятельную жизнь.

Устроившись самостоятельно, он все свободное от работы время посвящает самообразованию и расширению своих знаний. Шолом читает чрезвычайно много—все, что попадает под руку. Он читает и перечитывает русских классиков, читает западно-европейскую и древне-еврейскую литературу. Он читает не только художественную литературу, а знакомится также с учениями Дарвина, Спенсера, Бокля. Он вращается в кругу молодежи, которая усердно учится, ведет с товарищами дискуссии по вопросам литературы, философии и психологии. В этом кругу Шолом в смысле культуры „приборел сколько возможно было“.

Чем больше Шолом читал художественной литературы, тем больше он ощущал

потребность самому творить. Его творческая фантазия к тому времени до того уже развилась, что немедленно по прочтении какого-нибудь художественного произведения у него являлось желание перетворить прочитанное на свой манер и по своему вкусу.

Желание самому писать Шолом почувствовал уже в раннем детстве. Первым его „сочинением“ была алфавитная классификация проклятий и ругательств, которые так и сыпались из уст мачехи. Это „сочинение“ было написано Шоломом в то время, когда ему „даже и не снилось еще, что он когда-нибудь будет писателем“.

За одну из его детских шалостей—он написал в субботу мелом на заборе детский стишок—школьный учитель наградил его прозвищем „писатель“, „причем слово это растягивалось поелику возможно: пи-са-а-атель!“

Это имя писатель Шолом-Алейхем высоко носил всю жизнь.

Но как раз в те годы, когда в Шоломе начинает созревать настоящий писатель, его материальное положение становится критическим. „Частные уроки“ постепенно растаяли. Поехать в город учиться—средств не было, сидеть на шее у отца и выслушивать колкости мачехи насчет того, что он баклушничает, было выше его сил. И

Шолому ничего другого не осталось, как покинуть родной город и пуститься на поиски счастья.

3

После долгих скитаний Шолом поступает в качестве домашнего учителя к помещику-арендатору Лоеву. Живя в доме либерального еврейского помещика, Шолом имел достаточно досуга и здесь, в имении, мог свободно утолять свою жажду знания. У Лоева была довольно богатая библиотека, состоявшая преимущественно из древне-еврейских книг. Здесь Шолом нашел также и сочинения на еврейском языке—Этингера, Линецкого, Айзик-Меера Дика и Шацкиса.

Между учителем и его ученицей, дочерью Лоева—Ольгой, установились крайне дружеские отношения. Они вместе читали произведения мировых классиков—Шекспира, Гейне, Шиллера, Диккенса, Толстого и Гоголя. За время своего пребывания в имении Лоева Шолом приобрел большую литературную культуру. Знакомство с мировыми классиками открыло перед ним новые горизонты, обогатило его творческую фантазию. Он лихорадочно ищет одну вещь за другой. „Писал он по целым ночам—большие, душевраздирающие романы, крикливые драмы, запутанные трагедии и комедии“.

Единственным читателем этих произведений была ученица Шолома, Ольга. Оба, как автор, так и читательница, приходили в неистовый восторг от каждой написанной вещи. Но у автора восторг этот обычно длился недолго. Как только появлялось новое произведение, прежнее, старое, начинало казаться ему бледным, неинтересным и подвергалось беспощадному уничтожению—оно посылалось прямо в пылающую печь. „Таким образом,—рассказывает нам сам Шолом-Алейхем,—погибли в огне не одна дюжина романов и не один десяток драм“. Как сам учитель, так и ученица были глубоко убеждены, что Шолом рожден быть писателем, и оба постоянно фантазировали на эту тему, „строили прекрасные воздушные замки“.

Отношения их в то время носили чисто дружеский характер. О любви, о взаимном влечении друг к другу не произносилось ни слова. Тем не менее у них как-то само собой создалась абсолютная общность интересов, и они не могли пропустить дня, чтобы не видеться, проводить вместе время, вместе читать и гулять.

Приехавшая погостить к Лоеву тетя Тойба, однако, иначе истолковала их отношения и, без всякого злого умысла, поделилась своими соображениями со стариком Лоевым. Мнимый либерал, просвещенный

Лоев пришел в ярость: как посмел учитель без его, Лоева, ведома сблизиться с его дочерью! И он с исключительной жестокостью и чисто помещичьей заносчивостью выгнал учителя из своего имения, запретив дочери переписываться с ним.

4

Одиноким и удрученным, уехал Шолом из Софиевки. Он решил отправиться в Киев. Киев притягивал его не только надеждами на должность, но и тем, что там жили некоторые еврейские писатели, просвещенцы.

Его тянуло в Киев, „как ребенка тянет к себе сияние луны“. В большом городе должны быть большие люди. „Они—как светлые звезды, ярким сиянием озаряющие нам землю с безбрежной небесной высоты. Они—великие, умудренные знанием, знаменитые писатели и богом одаренные поэты, имена которых так прекрасно звучат в ушах тех—как бы их назвать?—ну, „побегов просвещения“... молоденьких, наивных юношей“. („С ярмарки“)

Шолом, который был воодушевлен и полон всяких литературных планов, хотел собственными глазами увидеть живого писателя.

В первые же дни своего приезда в Киев

он на собственном опыте узнал всю прелесть закона о „правожителстве“ и „имел честь и удовольствие лежать вместе еще с несколькими евреями на чердаке гостиницы реб Алтера из Канева и испытать все страхи „облавы“.

Первым писателем, к которому с большим трудом добрался Шолом, был древне-еврейский поэт Егалел. Егалел принял его чрезвычайно холодно. Впоследствии, когда Шолом-Алейхем уже издавал „Еврейскую народную библиотеку“, он отнесся к Егалелу гораздо приветливее, чем Егалел отнесся к нему в первый его приезд в Киев.

Устроиться в Киеве Шолому не удалось. Он бегал по различным адресам, доставал рекомендательные письма, стучался во все двери, но все это не дало никаких результатов.

Тоска по Софиевке и по милой ученице Ольге, холодный прием у Егалела, прелести „облав“, заставлявших его прятаться в холодную зимнюю ночь на чердаке, оставили глубокий след в душе молодого впечатлительного Шолома.

Не имея иного выхода, он решился пойти на должность казенного раввина в гор. Лубнах.

На эту должность он был избран в 1880 году. Он и тогда уже прекрасно знал про

все махинации общинных заправил и отдавал себе ясный отчет в том, какое его ждет болото. Но он успокаивал свою совесть тем, что... „не будет таким раввином, как все. Человек—это то, чем он хочет быть“.

Будучи казенным раввином, он всеми силами старался не быть казенным человеком, чиновником. Он хотел на своей работе быть полезным всем, чем только возможно.

В этот период Шолом Рабинович поместил в древне-еврейской прессе целый ряд статей о воспитании, о необходимости дать еврейским детям определенные профессии. Он считал, что для ликвидации беспомощности подрастающей еврейской молодежи, не получающей никакого общего образования и не имеющей никакой специальности, необходимо строить в городах технические училища.

Он нападает на еврейских заправил, тратящих большие тысячи на постройку синагог, но ничем не желающих помочь бедным еврейским детям, которые ходят голые и босые и которым негде получить самое элементарное светское образование.

При первом удобном случае он оставляет должность и удаляется от общинных дел, так как не чувствует себя больше в силах переносить эту давящую атмосферу ханжества и лицемерия.

Два года (1880—1882), проведенные в этой сфере, дали будущему Шолом-Алейхему много материала для резкого сатирического изображения „благообразных евреев“ и богачей.

Весной 1883 г. Шолом женится на своей бывшей ученице Ольге Михайловне Лоевой, сыгравшей огромную роль в творческой жизни Шолом-Алейхема, сопровождавшей его на всем его тяжелом жизненном пути, во всех его скитаниях и оберегавшей его пуще зеницы ока.

5

Волнения, пережитые Шолом-Алейхемом в доме Лоева, его внезапное изгнание из Софиевки, разлука с любимой девушкой и последовавшие затем скитания послужили молодому писателю темой для его первого рассказа „Два камня“ („Фолксблат“, 1883 г.). Этим рассказом Шолом-Алейхем положил начало своей кипучей творческой деятельности на поприще еврейской литературы, деятельности, продолжавшейся 33 года.

В том же 1883 году Шолом-Алейхем выпускает в свет свой рассказ „Выборы“ и начинает печатать свою большую серию „Перехваченные письма“. В этот период он пишет чрезвычайно много, пробуя свои силы

на различных жанрах. Он положительно заваливает редакцию „Фолксблат“ своими рассказами, фельетонами, диалогами и стихами. В этих его первых произведениях мы видим уже зачатки целого ряда тем и образов, нашедших классическое выражение в его позднейших сочинениях.

В „Завалывшемся письмеце из перехваченной корреспонденции“ (Фолксблат“, 1887 г.) Шолом-Алейхем уже намечает ряд штрихов для будущего образа „Менахем-Мендель“. Даже и имя „Менахем-Мендель“ уже фигурирует в „письмеце“, где говорится о человеке, который хватается за все и во всем терпит неудачу (основной мотив в произведении „Менахем-Мендель“).

Тема о крупном выигрыше, которую Шолом-Алейхем так мастерски развил в своей классической комедии „Двести тысяч“ и в своем прекрасном рассказе „75 тысяч“, тоже уже намечена в серии „Перехваченных писем“.

Зисл, торгующая бубликами, заводит со своим мужем Зусей, меламедом, разговор о купленном ими лотерейном билете:

„— Когда же играет наш билет?—спрашивает Зисл.

— Послезавтра, Зисл,— отвечает Зуся.

— Выиграть бы нам сотню!

— Да что ты, бог с тобою, Зисл!

— Ну, две сотни...

— Чем это, так уж лучше ничего!
— Ну, шесть сотен.
— Не желаю, Зисл!
— Ну, тысячу, Зуся?
— Не желаю, не желаю!
— Ну, Зуся, дорогой, две тысячи...
— Две тысячи? Не надо! Не желаю!
— Да ей-богу же, хватит, Зуся! У человека глаза велики, потому ему и кладут после смерти черепки на глаза. Право же, разве мало нам двух тысяч? Ну уж так и быть, Зуся, пусть будет еще пятьсот, две тысячи пятьсот! Вполне достаточно! Честное слово, Зуся, достаточно!

— Не желаю, Зисл! Хочу только самый крупный выигрыш—двадцать тысяч до одной копейки!

— Ох, гретишь ты, Зуся! Уж я уступлю— пусть будет половина, десять тысяч, и то только ради тебя, Зуся!

— Даже и не упоминай про половину, Зисл! О десяти тысячах и слышать не хочу! Только двадцать тысяч!“

Уже в первых рассказах Шолом-Алейхе-ма чувствуется писатель, связанный с народом, болеющий его нуждами и глубоко страдающий из-за его политического беспорядка и экономической беспочвенности.

Мысль, которую Шолом-Алейхем неустанно повторял на протяжении всей своей твор-

ческой жизни: „если ехать, так только третьим классом“, т. е. быть в самой гуще народных масс, — мысль эта прокламируется им уже при первых литературных шагах, в „Перехваченных письмах“.

„Уверяю тебя, Лейбка, что нет большего удовольствия, как ездить из города в город, беседовать с всевозможными людьми, выслушивать всевозможнейшие мнения, видеть на каждом шагу каррикатуры, слышать различнейшие глупости, от которых со смеху лопнуть можно“... („Перехваченные письма“, Фолксблат“, 1884 г.)

6

Невзирая на коммерческие дела, в которые одно время был втянут Шолом-Алейхем, его интерес к еврейской литературе и к еврейским писателям неуклонно рос. Поздно ночью он садился за письменный стол и вплоть до утра не отрывался от работы. Там, за столом, он изливал всю горечь своей души и свое отвращение к среде, в которой вынужден был против своей воли вращаться.

„Рабинович был больше Шолом-Алейхемом, чем Рабиновичем. Соломон Рабинович четыре часа в день вертелся на бирже... Но с пяти часов по-полудни до трех-четырех часов ночи я—Шолом-Алейхем“... (Из письма Шолом-Алейхема)

В среде коммерсантов и биржевиков Шолом-Алейхем чувствовал себя одиноким и поэтому он засыпал письмами и телеграммами знакомых и близких писателей, приглашая их к себе, и если кто-нибудь из них приезжал к нему на неделю или две, он чувствовал себя счастливейшим человеком.

Он отводил душу с гостем, рассказывал ему о своих терзаниях, и беседы шли преимущественно о литературе и литературных планах.

Несмотря на то, что Шолом-Алейхем в то время очень много писал, а его творчество уже и тогда достигло значительной художественной высоты, он все же не верил еще в свои творческие силы, и ему казалось, что литература для него все еще „не больше, чем забава“.

И вот однажды, — так рассказывает Шолом-Алейхем в своей автобиографии, — вернувшись домой усталый и разбитый от целого дня деловой беготни, он никак не мог уснуть и, как всегда в таких случаях, сел за стол писать.

„Поднялся с кровати, сел за письменный стол и написал — нет, не написал, а излил вещь, рассказ о моих школьных годах, дал рассказу заглавие „Ножик“, отправил его в редакцию и забыл“...

А когда „Ножик“ был опубликован в пе-

чати, критика очень хорошо отзывалась о рассказе, что в высшей степени благотворно повлияло на творческое самочувствие автора.

„Ножик“ совершил переворот в моем методе писания и во всей моей жизни“.

Шолом-Алейхем решает, что ему нужно все свои силы посвятить литературе, что литература должна стать его единственным занятием, его единственным призванием.

7

80-ые годы, период вступления Шолом-Алейхема в литературу, ознаменовались также началом больших процессов дифференциации в еврейской жизни. Еврейское местечко подвергается сильнейшему влиянию нарастающего капитализма. В связи с интенсивным развитием капитализма в России пролетариат начинает играть самостоятельную роль на арене классовой борьбы.

„С развитием капитализма в России рабочий класс становился могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе“.

(„История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), краткий курс, стр. 12).

Царское правительство, стремясь отвлечь массы от революционной борьбы, разжигало

национальную вражду и стало организовывать еврейские погромы. Погромы эти вызвали реакцию среди еврейской буржуазной интеллигенции, ударившейся в панику и в крайний национализм. Недавние радикальные интеллигенты, вроде Каминера, стали звать назад, к „истинному еврейству“, и нападать на тех писателей, которые смели критиковать религиозную плесень и разоблачать общину и богачей, эксплуатирующих еврейские массы. Они требовали от литературы идеализации старого еврейского быта, всячески стремились отвлечь ее от живой действительности и ради этой цели даже заключили мир с шомеровской похабщиной¹, стали ее ретивыми защитниками.

Эти идеологи реакции делали все от них зависящее, чтобы завлечь в свои сети и Шолом-Алейхема, но он своим здоровым чутьем подлинного народного писателя сумел отлично распознать, кто является другом народа и кто ему враг. Шолом-Алейхем ясно видел, что идти в литературе по пути этих реакционных идеологов значит — изменить народу. И он пошел своим собственным путем.

„Мне, Шолом-Алейхему, никто не говорил, в чем заключается моя задача. Взял я да написал критику на шомеровскую дрянь. Потом захотелось мне построить высокую

¹ Шомер — автор бульварных романов.

башню до самого неба под названием „Бланк“.
(Из писем Шолом-Алейхема)

Шолом-Алейхем, поставивший себе задачей служить своим пером только народу и „быть ему полезным чем только возможно“, понял, что он должен продолжать в литературе великий реалистический путь Менделе Мойхер-Сфорим и всюду выступать в защиту этого пути.

„Для того, чтобы быть народным писателем, — пишет Шолом-Алейхем, — надо быть писателем талантливым, патриотом, другом человечества. Нужно любить свой народ и, смеясь и шутя, быть ему преданным, верным, любить его как Абрамович, у которого за смехом и шуткой видно обливающееся кровью сердце“. („Суд над Шомером“)

Шолом-Алейхем считает, что необходимо правдиво и реалистически открывать жизненные раны, ибо лечить — не значит скрывать и приукрашивать; необходимо вести упорную борьбу против шомеризма, осушить это грязное болото, начавшее засасывать еврейскую литературу.

Являясь продолжателем лучших традиций Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем в своем литературном пути ушел, однако, значительно дальше его. Менделе Мойхер-Сфорим резко критиковал и разоблачал средневековые пережитки в еврейской жизни, и в

этом заключалась удивительная сила его реализма, который так привлекал к себе Шолом-Алейхема. Шолом-Алейхемовский же критический реализм был преимущественно направлен против капитализма, против буржуазии с ее лицемерием и ханжеством, против ее эксплуататорской натуры и морального разложения.

Этим объясняется также и то, что Шолом постоянно искал (и находил) положительные, морально здоровые, бурлящие творческие силы народа и все, что есть в нем возвышенного, протестующего, глубокого.

Стоит только кинуть взгляд на центральные линии творчества Шолом-Алейхема в 80-тых годах, чтобы заметить, с одной стороны, его сатирическое произведение „Сендер Бланк“ с центральным образом богача-выскочки, чья жадность к деньгам внесла полное нравственное разложение в его семье, умертвив там всякое человеческое чувство, а с другой стороны — изумительные образы талантливых детей народа, „Стемпеню“ и „Иоселе-Соловей“.

С глубокой горечью своей великой человеческой души Шолом-Алейхем рисовал трагедию этих замечательных, одаренных людей народа, чьи таланты вспыхивают перед нами во всем их блеске и, прежде времени, потухают.

Эту подлинную красоту народа Шолом-

Алейхем противопоставлял отвратительному лже-народничеству литературы шомеровского типа.

Против шомеризма Шолом-Алейхем боролся также и в качестве страстного публициста и критика.

„Суд над Шомером“ (1888 г.) — это пламенный памфлет, тяжелый обвинительный акт против тех, кто обманывает народ, извращает его вкус.

Наступление Шолом-Алейхема на шомеровскую литературу помогло трудовому читателю прийти в себя от угара бульварщины и очистило путь для дальнейшего развития еврейской литературы.

В том же году Шолом-Алейхем выступает также с целой серией критических статей под заглавием „Нищета в лучших произведениях еврейских писателей“. Несмотря на то, что статьи печатались как приложение к „Юдише Фолксблат“ (1888 г.), они все же не пришлись по вкусу хозяевам этой газеты. И это, разумеется, вполне естественно. Статьи эти ведь были написаны под влиянием Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. В них выдвигались, как образцы подлинной литературы, истинного реализма и сатиры, произведения Менделе Мойхер-Сфорим и Линецкого. Там порицался также ложный романтизм, приторно-сладкий еврейзм.

Все это не могло, конечно, понравиться указанным хозяевам, так как их литературные взгляды были совершенно противоположны взглядам Шолом-Алейхема.

Памфлет „Суд над Шомером“, серия статей „Нищета в лучших произведениях еврейских писателей“, статьи и рецензии в двух сборниках „Народная Библиотека“ и в сборнике „Койл-Мевасер“ (1892 г.) — фактически превращают Шолом-Алейхема в истинного основоположника еврейской литературной критики. Об этом говорят высокая принципиальность и глубокая страстность, которыми проникнуты эти статьи, свидетельствующие об искренней и постоянной заботе Шолом-Алейхема о еврейской литературе и ее творцах.

Тяжело, чрезвычайно тяжело было Шолом-Алейхему вести свою борьбу за истинно-художественную литературу. Единственная еврейская газета, существовавшая в то время — „Дос Юдише Фолксблат“, в которой Шолом-Алейхем вынужден был помещать свои первые произведения, стояла вдали от действительных интересов народа. Ее заискивание перед царской властью, льстивость и упование на милость и великодушие царских чиновников, ее политика, направленная к унижению языка народных масс, циничное заступничество за бульварную литературу — все это неизбежно должно было создать

глубокую пропасть между газетой и Шолом-Алейхемом. Шолом-Алейхем чувствовал себя глубоко задетым тем, что единственная еврейская газета так беззастенчиво выступает против еврейского языка. Среда газеты „Фолксблат“ — писатели, печатавшиеся там, — Шолом-Алейхему была до того противна, что он неделями не мог брать пера в руки. „Фолксблат“ была также проводником всех грязных сплетен на Шолом-Алейхема. Здесь печатались все нападки на Шолом-Алейхема за его „Суд над Шомером“, здесь царский лакей Лернер выступает с резкой статьей против „Сендера Бланка“, этой талантливой сатиры, сорвавшей маску с еврейской буржуазной семьи; здесь самым циничным образом опорачивают Шолом-Алейхемовскую „Народную Библиотеку“, представлявшую для того времени одно из крупнейших культурных и литературных событий в еврейской жизни.

Совершенно по-иному отнеслись к „Библиотеке“ Шолом-Алейхема еврейские народные массы. Первый сборник разошелся в количестве 5 тысяч экземпляров, что составляло для того времени огромный тираж. При этом надо не забывать, что каждый отдельный экземпляр „Еврейской Народной Библиотеки“ прочитывался в еврейских местечках сотнями людей. Шолом-Алейхем по-

лучал бесчисленное количество писем от литераторов и читателей, хваливших его и благодаривших за прекрасный подарок.

Похвала эта была безусловно заслуженной. Шолом-Алейхем старательно, с большой любовью и с большой щедростью издавал „Народную Библиотеку“. Он платил неимоверные для того времени гонорары. Шолом-Алейхем ставил себе целью с помощью своей библиотеки не только поднять достоинство еврейской литературы, но и достоинство еврейского писателя. В своем письме Линецкому (1888 г.) он пишет: „Я изгоню манеру эксплуатации автора с помощью лести“.

Шолом-Алейхем — редактор относился к своей работе с чувством величайшей ответственности. Он проявлял заботливость о стиле, композиции, внимательно проверял каждую строчку и каждое слово.

Даже дедушку Менделе (Мойхер-Сфорим), величайшего мастера стиля, он не щадил, когда ему казалось, что в произведении чего-то нехватает. Редактируя „Волшебный перстень“ Менделе Мойхер-Сфорима для своей „Народной Библиотеки“, Шолом-Алейхем счел необходимым изъять оттуда главу, в которой рассказывается о некоем реб Шмельке и прищельцах с того света, явившихся к нему на праздничную трапезу. Для

дедушки Менделе это изъятие было полной неожиданностью, и он пишет Шолом-Алейхему: „Ради бога, не будь злым внуком и не терзай дедушку!“

8

Период, в который Шолом-Алейхем издавал сборники „Еврейская библиотека“, был также периодом упадка его дел. Шолом-Алейхем, отличавшийся большой непосредственностью и кристальной честностью, не мог приспособиться к миру торговли и наживы, построенному на обмане и лжи. Всякий, кому не лень было, обманывал его, ибо он всем верил. В одном из своих писем, адресованных „дедушке“ (1890 г.), он жалуется: „Поверьте, меня уже воротит от денежных дел. Не стоит, право же, быть богачем и иметь столько хлопот, я уверяю вас“.

Но не лучше чувствовал себя Шолом-Алейхем в так называемой киевской литературной и интеллигентской среде. „Мудрецы Киева“, как иронически называл их Шолом-Алейхем, тоже были ему противны. То были местечковые завсегдатаи у местных богачей, дешевые философы, „специалисты по морали“, с одним единственным стремлением: понравиться господам Бродским. Эти людишки выливали ушаты грязи, клеветали

на Шолом-Алейхема, осмеливавшегося насмеяться над их мирком.

Однако, здесь, в среде коммерсантов и „мудрецов Киева“, Шолом-Алейхем научился понимать истинную природу буржуазной торговли, истинную натуру буржуазного общества, с его лицемерной моралью и жадной наживы, во имя которой всякий готов был продать и предать кого угодно и кому угодно.

Невзирая на то, что все дела Шолом-Алейхема лопнули, как мыльный пузырь, и он стал ощущать все прелести тяжелого материального положения, настроение его все же оставалось бодрым. Он почувствовал, что принадлежит не миру торговли и сделок, а миру литературы и искусства — „той великой семье, которая называется публикой“.

„С тех пор, — пишет Шолом-Алейхем, — деньги у меня исчезли, но бодрость осталась, и я крепко-крепко держу перо в руках“.

(Автобиография Шолом-Алейхема)

Да, Шолом-Алейхем твердо держал перо в руках и не выпускал его до последней минуты своей жизни.

9

В 1890 году Шолом-Алейхем полностью теряет небольшие остатки состояния, полученного в наследство от богатого тестя Лоева. Он совершенно разорен и вынужден

уехать за границу. Семью он отправляет в Одессу. Шолом-Алейхему, преданному семьянину, чрезвычайно тяжело было жить в разлуке со своими близкими. Он скитается по разным городам Европы—Вена, Париж, Черновицы. В этом скитании он, правда, несколько освободился от угара и шума биржевого мира, но он страшно тоскует по дому. Его тянет также к завершению во всем объеме тех образов, контуры которых были намечены им в прежних произведениях. Его волнует Тевье, Менахем-Мендель, его манит и чарует богатый детский мир.

Весною 1891 года он возвращается из-за границы и живет в Одессе со своей семьей „в тихой нужде“. В Одессе Шолом-Алейхем сотрудничает в местной русской прессе („Одесский Листок“, „Одесские Новости“), где помещает ряд произведений, написанных на русском языке, как „Стихотворения в прозе“ (1892 г.), „Типы малой биржи“ (1893 г.) и др.

Совершенно неверно мнение, будто эти опыты Шолом-Алейхема на поприще русской литературы являются случайностью. Шолом-Алейхем всегда обнаруживал сильное желание писать по-русски, стремясь сделать свои произведения доступными и для русского читателя.

Еще в 1884 году он публикует на русском языке довольно крупный рассказ „Мечтатели“.

Шолом-Алейхем много времени уделял также переводу своих вещей на русский язык. Он постоянно стремился к тому, чтобы его произведения и произведения лучших еврейских писателей были переведены по-русски, дабы показать русскому читателю тяжелое положение еврейского народа и все, что есть яркого, здорового, привлекательного в гуще еврейских народных масс.

Путем перевода лучших еврейских литературных произведений на русский язык Шолом-Алейхем хотел разрушить китайскую стену, отделявшую еврейскую жизнь от общей.

В своих русских рассказах Шолом-Алейхем выступает как демократ и гуманист. Он показывает интернациональную близость, установившуюся между еврейскими и нееврейскими детьми, невзирая на все преграды и предрассудки. Шолом-Алейхем старался уничтожить изоляцию еврейского народа, к которому вели буржуазные националисты всевозможнейших оттенков.

Живя в Одессе, Шолом-Алейхем носится с мыслью о возобновлении „Еврейской Народной Библиотеки“. Но стесненное материальное положение не дает ему, однако, возможности осуществить свой план. И он решает издать хотя бы тоненький сборник, названный им „Койл мевасер“ (голос возвещающий),

рассматривая его как приложение к „Народной Библиотеке“.

Но и для издания такого сборника у него нехватало средств. Жена его, Ольга Михайловна, продает все свои драгоценности, и на вырученные деньги Шолом-Алейхем издает, наконец, сборник.

Не имея чем оплатить писателям их сотрудничество в сборнике, Шолом-Алейхем сам стал автором всего, что намечено было для сборника, причем писал в различнейших жанрах: стихи, поэмы, фельетоны, статьи о поэзии и фольклоре. В этом же сборнике, кстати, была напечатана первая серия писем Менахем-Менделя к Шейне-Шейндль.

За время своего пребывания в Одессе Шолом-Алейхем еще больше сблизился с Менделе Мойхер-Сфорим, жившим тогда в Одессе. Он проникся еще большим уважением к обаятельной личности „дедушки“, и между обоими великими писателями установилось тесное творческое содружество.

Начало этому содружеству, собственно, было положено уже давно. В своем первом письме „дедушке“ Шолом-Алейхем рекомендует себя „как пламенного его поклонника, работающего на вспаханной им (Менделе Мойхер-Сфорим) ниве“.

„Внук“, с своей стороны, тоже пришелся очень по душе маститому писателю Менделе

Мойхер-Сфорим. Прочитав вышедшую в свет пьесу Шолом-Алейхема „Развод“ (1887 г.), „дедушка“ пишет автору:

„Неплохо, мне понравилось. Местами видно, что в внуке течет дедушкина кровь“.

Одесский период остается для Шолом-Алейхема одним из его самых ярких воспоминаний. В одном из своих писем он пишет: „Одесса, Одесса, тоскую по тебе!“

В конце 1893 года Шолом-Алейхем снова переезжает со всей семьей в Киев. Литературная работа не давала ему необходимых средств к существованию, и он вынужден был заняться маклерством и другими делами. Это обстоятельство сильно удручало его, тем более, что он как раз в это время был полон всяких литературных планов и ему не хотелось отрываться от своего письменного стола.

„Я теперь тяжел столькими идеями и образами,— пишет Шолом-Алейхем в одном из своих писем того времени,— что буду крепче железа, если не лопну. И к моему величайшему несчастью, я именно теперь должен быть в постоянной погоне за рублем. Провались она провалом, эта биржа! Будь проклят этот рубль! Виданное ли дело, чтобы писатель не мог жить одним писательством и вынужден был бегать в поисках рубля! Люди, знающие меня и видящие меня каждый день, спрашивают, когда я пишу? Честное

слово, я и сам не знаю когда. Вот так и пишу—на ходу, на бегу, сидя в чужом кабинете, едучи в трамвае и в те моменты, когда мне дурят голову насчет продающегося нетронутого леса, прекрасного имения. Как раз в эти минуты вырастают в голове самые красивые образы, складываются самые лучшие идеи, но нельзя ни на одну минуту, ни на секунду оторваться, чтоб занести все это на бумагу,—сгори они, все эти дела, весь мир сгори!

Всю накопившуюся у него горечь Шолом-Алейхем обрушивает на биржевиков, на всяких спекулянтов и дельцов, так едко, по Гоголевски, осмеянных им в его комедии „Якнегоз“ (1894). Различные „якнегозовцы“ узнали себя в комедии, как в зеркале, и негодовали: как, мол, смел Шолом-Алейхем посмеяться над ними. Дошло до того, что на Шолом-Алейхема донесли „куда следует“, и цензура получила предписание конфисковать комедию.

10

В 90-х годах, как и в 80-х, можно отметить две основные линии в творчестве Шолом-Алейхема. Если в 80-х годах он создавал такие контрастные образы, как Стемпеню и Иоселе-Соловей, с одной стороны, и Сендер Бланк, с другой, то в 90-х

годах Шолом-Алейхем начинает творить свои два центральных образа—Тевье и Менахем-Менделя.

Интенсивное развитие капитализма в 90-х годах послужило Шолом-Алейхему тем гранитом, из которого он так мастерски высек монументальные фигуры Тевье и Менахем-Менделя.

Образ Тевье представляет собою воплощение здоровой прогрессивной силы трудового народа. Мудрый человек народа Тевье, обладающий глубоким юмором,—гуманистичен, чрезвычайно оптимистичен, стойко переносит самые тяжелые, мучительнейшие страдания и ходит всегда с высоко поднятой головой.

Раскрывая образ Тевье, со всем его лиризмом, поэтическими настроениями, глубоко-человечным отцовским чувством и огромной любовью к „батьковщине“, Шолом-Алейхем в то же время очень ярко и красочно передает протест Тевье против существующего в мире несправедливого социального строя.

Создавая образ Тевье, Шолом-Алейхем весьма искусно воплотил в нем стремления еврейского трудового народа, сложившиеся под влиянием начатой революционным пролетариатом борьбы против помещичье-буржуазного строя.

Вот почему Тевье проникнут такой глу-

бокой верой, такими светлыми надеждами на грядущие лучшие времена—это отражение светлых перспектив борющихся за свободу Перчика и Годл.

Противоположностью Тевье является Менахем-Мендель. Менахем-Мендель — это воплощение маленького человека, у которого капитализм возбудил аппетит к миллионам. Менахем-Мендель суетится, бегаёт, рвется в облака, хочет непременно стать миллионером, но всякий раз терпит жестокое фиаско. Его упорная погоня за счастьем и получаемые им безжалостные толчки превращают его в трагикомическую фигуру. Он комичен тем, что не понимает нелепости и недостижимости поставленной себе цели, а трагичен он потому, что он не видит для себя никакого иного выхода, не имеет никакой возможности перейти к продуктивному труду, благодаря бесправному положению еврейских масс в царской России. „Человек воздуха“ Менахем-Мендель не обладает теми прекрасными качествами, которыми одарен человек труда Тевье. Менахем-Мендель сух, он не замечает природы, он эгоцентричен, и у него нет даже признака Тевьевского юмора и лиризма. Тевье философствует, мыслит, понимает окружающий его мир и людей, Менахем-Мендель же суетится и бежит с диким азартом, точно слепой, сам не зная куда.

Неверно было бы думать, что Шолом-Алейхем воплотил в образе Менахем-Менделя человека из народа. Стремления Менахем-Менделя, его поведение, жажда богатства, примирение с несправедливым социальным строем—все это исключает его из категории народных людей.

„Молочник Тевье“ и „Менахем-Мендель“—два высоко-художественных произведения—имеют большую познавательную ценность. При всей их национальной специфичности они выходят далеко за пределы национального, включаясь трактуемыми в них проблемами, своим универсальным характером—в число лучших произведений мировой литературы. Недаром Шолом-Алейхем потратил целых 20 лет на оформление этих двух образов.

Точно также, как через образ Тевье, Шолом-Алейхем и через детские образы выразил свой протест против социальной атмосферы, извращающей ребенка, не дающей ему свободно вздохнуть и свободно развиваться. И точно также, как из своих пожилых типов трудящихся Шолом-Алейхем выбрал человека из народа Тевье, превратив его в бессмертный образ, он из детских типов впоследствии выбрал одаренного мальчика Мотеля, в котором воплотил лучшие черты талантливого ребенка, находящегося

между беспощадными жерновами буржуазного строя.

11

В 1901—1904 годах в России все больше стало разрастаться революционное рабочее движение, руководимое большевистской партией во главе с Лениным. Страна волновалась, революционная энергия все нарастала, приближалась революция 1905 года.

„В царской России капиталистический гнет усиливался гнетом царизма. Рабочие страдали не только от капиталистической эксплуатации, от каторжного труда, но и от бесправия всего народа. Поэтому сознательные рабочие стремились возглавить революционное движение всех демократических элементов города и деревни против царизма. Крестьянство задыхалось от безземелья, от многочисленных остатков крепостничества, оно находилось в кабале у помещика и кулака. Народы, населявшие царскую Россию, стонали под двойным гнетом—своих собственных и русских помещиков и капиталистов. Экономический кризис 1900—1903 г. г. усилил бедствия трудящихся масс, война их еще более обострила.

Поражения в войне усиливали в массах ненависть к царизму. Приближался конец народному терпению“.

(История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).
Краткий курс, стр. 54)

Чем ближе надвигались революционные события 1905 г., тем шире и политически острее становились темы, трактуемые Шолом-Алейхемом в его произведениях. Он отражал ненависть еврейского народа к царизму, его острый протест против политического бесправия. Он показывал, как еврейский народ симпатизировал революции и как царское правительство мстило ему за это кровавыми погромами.

В своих рассказах „Гимназия“ и „Выигрышный билет“ (1902 г.) Шолом-Алейхем показывает, как, наряду с лишением прочих прав, еврейский народ был лишен также и права на образование. Для еврейских масс были закрыты двери гимназий и университетов. К позорному „правожителству“ царское правительство прибавило иезуитскую „процентную норму“. Евреям запрещено было жить вне „черты оседлости“, они не имели права на работу, на образование.

Эти ограничения всей тяжестью своей падали, конечно, не на буржуазию, а на народные массы. Запертые в тесных городах

и местечках „черты“, они задыхались в нищете и вынуждены были заниматься призрачными делами, жить „воздухом“, не зная, что им готовит завтрашний день. Поэтому совершенно понятно, почему бедная еврейская женщина, трудовой человек любят поговорить, излить горечь своей души.

„Выслушайте меня!“—обращались они к Шолом-Алейхему, и Шолом-Алейхем, лучший друг народа, выслушивалих, и из их печальных рассказов и жалоб создавал свои изумительные произведения, при чтении которых и плачешь и смеешься.

Бедная еврейка из рассказа „Горшок“ (1902) не столько занята вопросом, можно ли употреблять или надо выбросить „трефной“ горшок, сколько ей хочется, пользуясь случаем, рассказать свои невзгоды и несчастья.

Ужасающая, давящая нищета, в которой жили еврейские массы, не могла все же заглушить человеческое чувство в их сердцах. Шолом-Алейхем показывает в своих излюбленных народных типах их большую человечность, отзывчивость, умение сочувствовать чужому горю, чужим страданиям.

Несчастливая, одинокая мать из рассказа „Счастливые роды“ (1902 г.) окружена сердечностью и трогательной любовью со стороны всех соседей, и это облегчает ей муки оди-

ночества. В этом замечательном рассказе сильно чувствуется влияние гуманизма Горького, его оптимизма. Рассказ написан был именно в тот период, когда Шолом-Алейхем проявляет особый интерес к Горькому. Он учится у Горького—буревестника революции—возвещать о надвигающейся буре, которая встряхнет мир и сметет с лица земли грязь и смрад царской России.

До социально-чуткого Шолома-Алейхема доходит ропот протеста и недовольство, накапливающееся в народе. („Ханукальные блины“, 1903 г.). Он показывает, как революционный шторм врывается в семью и разрушает ее вековой покой. („Разброд“ 1903)

Шолом-Алейхем прекрасно понимал, что погромы, организованные царским правительством, являются средством для разжигания национальной розни, чтобы отвлечь массы от революционной борьбы.

После кровавого Кишиневского погрома (1903) Шолом-Алейхем обращается к лучшим представителям русской литературы, к лучшим людям русского народа—к Толстому, Чехову, Горькому и Короленко, прося их поднять голос протеста против черносотенного изуверства. Он организует издание сборника под названием „Помощь“ в пользу пострадавших от Кишиневского погрома. Писатели, к которым обратился Шолом-Алейхем,

охотно отозвались на его предложение, и каждый из них в том или ином виде выразил свой протест против погромов и антисемитской травли, в широком масштабе проводившейся по всей стране.

Отзывчивость Горького, его чуткое отношение к страданиям еврейского народа, вызвали у Шолом-Алейхема непреодолимое желание лично встретиться с этим великим гуманистом, другом всех угнетенных народов, который громко, на весь мир, возвестил: „Человек—это звучит гордо“.

После нескольких лет переписки с Горьким Шолом-Алейхем в 1904 году, будучи в Петербурге, наконец встретился с ним. Горький принял его чрезвычайно радушно. Между ними завязался „разговор о литературе, общей и еврейской“. Горький познакомил Шолом-Алейхема с лучшими представителями прессы.

Встреча эта на Шолом-Алейхема произвела сильное впечатление, и он в тот же день отправил два письма своим детям, описывая радостное для него событие.

„У него хорошее, открытое, чистое лицо,— пишет он восторженно.— Он меня очаровал“.

С любовью и восхищением Шолом-Алейхем устами Одл говорит о Горьком и в своем бессмертном произведении „Молочник Тевье“.

Горький, с своей стороны, высоко чтит Шолом-Алейхема. Он считал его талантли-

вейшим писателем, в произведениях которого чувствуется большая, „добротная любовь к народу“. Он ценит его как замечательного сатирика и юмориста, чьи произведения заставляют и плакать и смеяться.

Под влиянием Горького у Шолом-Алейхема еще больше возрастает желание, чтобы его произведения дошли до широких масс народа. Он принимает все меры, чтобы Варшавское издательство „Книга для всех“ стало издавать его рассказы, монологи, пьесы в массовом народном издании, маленькими книжками, доступными по своей недорогой цене всем.

В 1905 году Шолом-Алейхем предпринимает поездку в ряд городов, как Вильно, Ковно, Рига, Либава, где организует широкие встречи с массами, читая перед ними свои сочинения. Шолом-Алейхем считал, что эти встречи необходимы ему для его творчества, как необходим воздух для легких. Писатель, творивший для народа, должен был жить в тесной близости с народом.

12

Шолом-Алейхем, однако, не удовлетворяется только публичным чтением своих произведений. Он чувствует, что нужна более широкая трибуна для сближения с народом, и напрягает все свои силы, чтобы создать художественно - реалистический еврейский

театр. Он связывается с театральными деятелями—артистами Яковом Спиваковским и Сем Адлером и вместе с ними разрабатывает план организации „еврейского литературно-художественного театра“ в Одессе, в котором Шолом-Алейхем должен стать литературным руководителем, поставляя свои собственные пьесы и редактируя пьесы других авторов.

„Я обязался, во-первых, передать в их исключительное распоряжение мои пьесы сроком на один год,—те пьесы, которые уже написаны мною, и те, которые я лишь должен написать. Во-вторых, я редактирую пьесы, написанные другими авторами. Я должен присутствовать на репетициях и премьерах моих пьес. Исполняться будут только мои пьесы или те, которые будут мною одобрены...“

С улучшением репертуара улучшится также и состав труппы“. (Книга о Шолом-Алейхеме)

К сожалению, этим театральным планам не суждено было осуществиться. Нашлись люди, которые донесли „начальству“, что предполагаемый театр ставит себе революционные цели, и этого, разумеется, было достаточно, чтобы русское правительство поспешило заблаговременно запретить это культурное начинание.

Но Шолом-Алейхем все-же не потерял

надежды, что ему в конце концов удастся создать подлинно художественный театр в России. Эти свои надежды он связывает с судьбой революции.

„Я уверен, что течение жизни и те признаки, которые я наблюдаю в нашей стране, в кровавой стране, являются для нас отрадными признаками, определенным доказательством, что скоро встанет над нами солнце. Еврейский театр разовьется именно там, в России“. (Из письма Шолом-Алейхема, Женева, 1908 г.)

Влияние Горького теперь особенно дает себя чувствовать в творчестве Шолом-Алейхема. Это влияние больше всего заметно в тех произведениях Шолом-Алейхема, которые отражают революцию 1905 года.

В своих сатирических памфлетах „дядя Пиня и тетя Рейзя“ и „Новорожденное“, имевших громадный успех у читателя, Шолом-Алейхем показывает истинное лицо прогнившего самодержавного строя, рисуя ужасающие издевательства царизма над народом.

Монархический патриот и царский лакей Лернер, имевший уже весьма солидный стаж доносчика, не замедлил „всеподданейше донести“, что сатира „Дядя Пиня и тетя Рейзя“ представляют собою „памфлет, в котором Россия рисуется в самых мрачных и даже ужасных красках. Общий тон брошю-

ры—это бесстыдное издевательство над внутренней в внешней жизнью нашего отечества". (Из документа, хранящегося в Одесском историческом архиве)

Будучи сторонником свободного демократического строя, Шолом-Алейхем отлично понимал, что царские „манифесты о свободе“ не стоят и выеденного яйца. Он с неподражаемой иронией пародирует царские „законы о свободе“ в своей острой сатире „Революция по ту сторону Самбатина“ (1905 г.):

„Кому нечем жить, тот свободно может умереть с голоду“.

„Кто ходит без работы и не имеет занятия, тот свободно может биться головой об стенку“.

„Кто сломал себе по дороге ногу, тот свободно может ходить на костылях“.

„Кто женился и не имеет чем прокормить жену, тот свободно может отправиться вместе с нею по-миру“.

„Кто жил, жил, да умер, тот свободно может быть похоронен всюду, „где евреям дозволено““.)

Относясь с глубокой ненавистью к царскому строю, Шолом-Алейхем овеял истинной человеческой теплотой и глубочайшей любовью своих революционных героев, детей народа, боровшихся на жизнь и на смерть с царским самодержавием. Перчик,

Иосиф, Шмулик, Романенко и Маша Башевич—эти бесстрашные, мужественные герои, стоявшие в первых рядах революционных борцов, выражали ненависть миллионов городского, местечкового и деревенского населения к буржуазно-помещичьему строю, к отжившему миру. Они-то и зажигали сердца таких, как Тевье, сердца трудовых народных масс, надеждой на лучшие времена.

13

Волна погромов 1905 года дала новый сильный толчек переселению еврейских масс в Америку. Уезжали ремесленники, мелкие торговцы и люди, вообще не имевшие никаких определенных занятий.

Этот эмигрантский поток, огромная человеческая волна, к которой Шолом-Алейхем чувствовал такую близость, увлекли за собою и народного писателя.

Шолом-Алейхем и теперь не покидает своих героев, он идет вслед за своими Элями, Пинями и Мотелями, наблюдая, как они мытарствуют в разных портовых городах, обманываемые всякими авантюристами и буржуазными „обществами помощи“. Он прислушивается к тому, как бьются у них сердца при приближении к Кесль-Гардену, этому последнему чистилищу, которое дол-

жны пройти эмигранты, чтобы попасть в страну „счастья и золота“ — в Америку. Он вместе с ними идет сюда, на „Остров слез“, чтобы облегчить им, как он это делал и раньше, их горе и страдания, осушить их слезы.

По дороге в Америку Шолом-Алейхем посещает ряд городов Галиции, Бельгии, Швейцарии. Он едет также в Париж и в Лондон, где читает на вечерах свои произведения.

В октябре 1906 года он приезжает в Нью-Йорк. Нью-Йоркское еврейское население очень тепло принимает своего народного писателя. Шолом-Алейхем является для них вестником из старой родины, из еврейских местечек и городов, где все они провели детство и юность, и при воспоминании о которых такой острой тоской сжимается сердце. Рядом с ним, со своим любимым писателем и лучшим другом, они чувствуют себя увереннее и легче на новой, негостеприимной, суровой родине.

Литературные вечера, устраиваемые Шолом-Алейхемом в ряде городов с компактным еврейским населением, проходят с огромным успехом. Писателя всюду встречают горячими овациями, его положительно на руках носят.

Шолом-Алейхем был очень тронут этой

сердечной встречей, но, ощущая всеми фибрами души искреннюю радость народных масс, он в то же время почувствовал все лицемерие и лживость американской еврейской прессы, для которой он был только оригинальной, новой „сенсейшен“ (сенсацией).

„От нее (еврейской прессы) я не жду ничего хорошего... Ей грош цена. Самое главное—это публика, широкая масса“. (Книга о Шолом-Алейхеме)

В Америке Шолом-Алейхем связывается с еврейским театром. Он делает инсценировку своего романа „Стемпеню“ и перерабатывает свою комедию „Якнегоз“, которая идет на сцене под названием „Изверг“. Обе пьесы своей оригинальностью и высоким художественным мастерством вызывают большой интерес у зрителя. Американский еврейский зритель, которого все время кормили низкопробной балаганщиной, свободно вздохнул в атмосфере Шолом-Алейхемовской подлинной драматургии.

„Балаганная сатира очень уж приелась, а юмор местных модных драматургов так беден, что прямо жалость разбирает. „Остроты“ они покупают за деньги или же берут их друг у друга „на прокат“. (Книга о Шолом-Алейхеме)

Помыслы Шолом-Алейхема, как и всегда

при его пребывании за границей, все же были устремлены туда, к старой родине. Пережитые там революционные события становятся в этот период одной из основных тем его творчества.

В 1907 году он начинает печатать в Нью-Йоркской еврейской газете „Ди Варгайт“ и Варшавской газете „Унзер Лебн“ свой большой роман „Потоп“, который позднее был им переработан и стал известен под названием „В бурю“. В этом произведении Шолом-Алейхем изображает события 1905 г. и дает целую галерею революционных образов.

В целом ряде своих рассказов Шолом-Алейхем рисует героев революции, „сложивших голову на эшафоте“, без вести погибших, томящихся в тюрьмах и „гуляющих по сибирским снегам прикованными к тачке“.

Описывая кровавые события, Шолом-Алейхем, однако, не впадает в отчаяние, он подхватывает оптимистические настроения широких масс и со всем блеском своего огромного таланта передает их надежды на новую Россию, которая станет родиной всех угнетенных.

„По твоему письму я заключаю, что если б у нас была та конституция, которую мы имеем в виду,—пишет Исролик своему другу Янкелю в Америку,—нам не нужно было бы никаких Америк, мы имели бы здесь, у

себя, лучшую Америку, чем вы имеете там...

Ты, Янкель, не тужи! Дай бог мне такой кусок золота, а Крушевану¹ такую язву, какую конституцию мы будем иметь"... („Новостей нет")

Еще одно выражение безграничного оптимизма Шолом-Алейхема, как раз в тот период, когда в России начинается сильнейшая реакция, мы видим в его обращении к „мальчику Мотелю", к той дивной галлее детских образов, которые овеяны теплой любовью и удивительной народной прелестью.

14

В июне 1907 года Шолом-Алейхем покидает Америку и переселяется со всей своей семьей в Женеву, где в то время жил также Менделе Мойхер-Сфорим.

„Дедушка", который с большим вниманием следил за каждым шагом Шолом-Алейхема в литературе, давал ему советы и постоянно требовал от него старательной шлифовки и отделки каждой фразы, теперь с особым радушием встретил преданного „внука", отнюдь не опозорившего честь своего учителя.

¹ Известный черносотенный деятель, вдохновитель и организатор еврейских погромов в царской России.

Оба писателя часами вместе гуляли в горах, рассказывая друг другу разные эпизоды, ведя беседы о литературе, а иногда и пускаясь на юношеские шутки.

Шолом-Алейхем однажды с приемами заправского актера показал дедушке, как нужно играть роль Алтера в его одноактной пьесе „Поздравление“. Он сыграл роль так мастерски, что дедушка, строгий и требовательный зритель, пришел в восторг...

Но Шолом-Алейхем не в силах был долго оставаться на чужбине—его непреодолимо тянуло домой, на родину. В конце мая 1908 года Шолом-Алейхем возвращается в Россию. Он посещает Варшаву, Вильно, Одессу и десятки других крупных и мелких городов, где снова выступает перед широкой аудиторией, читая свои произведения.

В Барановичах Шолом-Алейхем, простудившись, очевидно, на литературном вечере, заболел воспалением легких, которое сопровождалось сильным кровохарканьем—результат застарелого скрытого туберкулеза.

Болезнь Шолом-Алейхема встревожила широкие круги его читателей и почитателей. Из сотен городов и местечек посыпались телеграммы с запросами о состоянии его здоровья.

Пролежав два месяца прикованным к постели, Шолом-Алейхем был вынужден уехать

лечиться в Италию. Но средств для поездки у него не оказалось. Его материальное положение было очень тяжелым. Друзья обращаются к читателям с воззванием помочь народному писателю. Необходимая сумма была собрана очень быстро, и Шолом-Алейхем, по указанию врачей, уехал в Нерви.

В 1908 году исполнилось 25 лет литературной деятельности Шолом-Алейхема. Писатель Яков Динезон и еще некоторые друзья Шолом-Алейхема решили отпраздновать эту знаменательную дату. Воззвание о праздновании юбилея Шолом-Алейхема нашло широкий отклик во всех странах и городах с компактным еврейским населением.

В качестве подарка писателю ко дню юбилея друзья решили выкупить все его сочинения у различных издателей, самым бесцеремонным образом обманывавших и эксплуатировавших Шолом-Алейхема.

„Вы не можете себе представить, — пишет Ольга Михайловна Рабинович одному из членов юбилейного комитета, — сколько тихих, скрытых страданий доставляют моему мужу все эти издатели, которым он продал все свои лучшие произведения за гроши. Зачем он делал это — сейчас не место говорить. Когда увидимся, расскажу, и вы будете поражены. Мысль об этом всегда

угнетала мужа, и, возможно, из-за этого он и заболел“.

Приходится действительно поражаться, когда подробнее познакомишься со всей сетью шантажа и спекуляции, которую издатели создали вокруг произведений Шолом-Алейхема. Издатель Кринский, например, закупает у Шолом-Алейхема все его напечатанные произведения и все, которые он напечатает на протяжении 20 лет в журналах и газетах, по 30 и 40 рублей за лист. В первые 10 лет Шолом-Алейхем имел получать 10 процентов с чистого заработка, в следующие 10 лет — 25 процентов, а по истечении 20 лет он обязан был покрыть половину всех расходов за стереотип, клише и матрицы.

Но и этот кабальный, спекулятивный договор Кринским не был выполнен — очевидно, Кринский считал свой метод эксплуатации недостаточным. Вместо 30—40 рублей за лист он платит Шолом-Алейхему только 20, а процентов с прибыли совсем не выплачивает, в то время как книги расходились в десятках тысяч экземпляров.

Беззастенчивость и наглость некоторых издателей доходила до того, что они заставляли Шолом-Алейхема разъезжать по городам и местечкам и продавать собственные сочинения, собирать подписку и принимать объявления.

Но не одни только издатели так бесцеремонно обращались с Шолом-Алейхемом, — редактора различных газет тоже немало эксплуатировали величайшего еврейского народного писателя. Они позволяли себе хозяйничать в его текстах и платили ему ничтожный гонорар.

В письме к Гинзбургу и Розенфельду (редактора газеты „Фрайнд“) Шолом-Алейхем пишет:

„Часа два назад я получил от г. Розенфельда любезное приглашение участвовать в „Беземе“ („Веник“ — бесплатное сатирическое приложение к газете „Фрайнд“). При этом г. Розенфельд ставит мне три условия: 1) давать ему лучшее и избраннейшее; 2) Не больше 100 строк в фельетоне; 3) Гонорар за лучшие и избраннейшие фельетоны Шолом-Алейхема — шесть рублей серебром. Если вы помните, у вас в Петербурге такую монету дарят старшему дворнику в день Нового года“.

В другом письме редактору газеты „Фрайнд“ Шолом-Алейхем пишет:

„Вы же больше деловой, нежели сентиментальный человек, и поэтому вы не постеснялись назначить Шолом-Алейхему гонорар в три и три четверти копейки со строки“.

Помимо того, что Шолом-Алейхему уплачивались мизерные гонорары, его просто

обкрадывали, обсчитывали при расчетах. Вообще, вся эта стая спекулянтов — издателей и „редакторов“ — всеми способами грабила и обманывала народного писателя. Его творческую продуктивность, его художественный труд они превратили для себя в источник легкой наживы, набивая мошну и богатея за счет лишений писателя.

Шолом-Алейхем чувствовал себя сильно уязвленным этим подлым эксплуататорским отношением.

„Если бы вы знали, — жалуется Шолом-Алейхем, — какие унижения словом и действием приходилось мне вытерпеть от этих людей, как меня оскорбляли уже в годы моей так называемой славы!“

В руках этих предприимчивых людей находились все произведения Шолом-Алейхе-ма, и не так-то легко, разумеется, было их выкупить. А пока суд да дело, Шолом-Алейхем жалуется: „Положение — горькое, горше полыни“. В то время, как в еврейской буржуазной прессе был поднят шум и трескотня о необходимости помочь великому народному писателю, Шолом-Алейхем сидел в Нерви и, при своем угрожающем состоянии здоровья, не имел чем день прожить.

„Не думайте, — пишет он Динезону, — что это легко — разменивать чужие (мирские) рубли! А кстати, и сами рубли нахо-

дятся еще где-то в пути или в мыслях, и такие рубли никакой итальянский банкир не хочет обменять, хоть ты его убей! Нужно, значит, лежать в пансионе без солнца — а это нехорошо, совсем нехорошо, Динезон. Солнце нужно, солнце!”

Но как тяжело ни воспринимал Шолом-Алейхем буржуазно-благотворительную шумиху и барабанный бой, поднятый вокруг его юбилея, он сторицей был вознагражден и до слез был тронут сердечным вниманием, которое оказали ему в дни юбилея широкие народные массы.

Юбилей его праздновался во всех городах и местечках. Живя в Нерви, Шолом-Алейхем получал сотни приветственных телеграмм и адресов. Телеграф в Нерви несколько дней подряд был с утра до ночи занят приемом и передачей телеграмм, прибывавших по адресу Шолом-Алейхема. Русская прогрессивная печать в Петербурге, Киеве, Одессе чрезвычайно тепло отзывалась о юбилее Шолом-Алейхема, помещая подробные статьи о его жизни и творчестве.

Под впечатлением юбилея Шолом-Алейхем пишет Динезону:

„Было много радости, телеграммы со всех концов мира, много благословений, благословений без конца — но были и слезы, затаенные, тихие слезы, как водится обыч-

но у Шолом-Алейхема... На сей раз, однако, то были слезы радости от того, что я удостоился увидеть еврейский народ, или по крайней мере, лучших сынов народа, на очень высокой ступени, сознательными, тактичными, с человеческим достоинством... Если б вы видели стиль и тон телеграмм — десятки и сотни из них проникнуты „любовью к народу, к забытому народу, к его литературе, к его языку“. Разве это не большой прогресс? Разве это недостаточная награда для писателя?“

В том же письме Шолом-Алейхем с глубокой болью говорит о том, что ему не суждено было на этом торжестве еврейской литературы быть вместе с народными массами. „Представьте себе положение еврейского писателя, который 25 лет отстукал за амвоном, закашлялся, не про вас будь сказано, кровью, и как раз к юбилею его завезли куда-то в Италию, забрали из рук перо и говорят ему: „Побольше воздуха, побольше солнца! Побольше кушать!“ (Из выше цитированного письма к Динезону)

Свое великое огорчение по поводу того, что ему не удалось отпраздновать юбилей вместе с народными массами, Шолом-Алейхем спустя шесть лет выразил перед своими читателями в печатной форме:

„В стране голубого неба я всегда тоско-

вал по своей Касриловке—тело мое было в Италии, а сердце, душа—с вами“.

Наконец, в 1909 году, юбилейному комитету во главе с Динезоном удастся на деньги, вырученные от юбилейных вечеров, выкупить у всех разношерстных издателей произведения Шолом-Алейхема. Организуется юбилейное издание. В том же году издательство „Современные проблемы“ начинает издавать произведения Шолом-Алейхема на русском языке. Параллельно с этим начинает выходить серия небольших книжек—брошюр, расходящаяся сотнями тысяч экземпляров. Материальное положение Шолом-Алейхема улучшается, тяжелое состояние его здоровья несколько облегчается. Но в виду его склонности к заболеваниям, он вынужден проводить много времени в санаториях Швейцарии и Италии.

„Для того, чтобы доставить себе удовольствие посидеть в Швейцарии,—шутил Шолом-Алейхем,—я должен был начать харкать кровью“.

15

В 1909 году Шолом-Алейхем начинает писать свой роман „Блуждающие звезды“, в котором широко отражаются пути еврейского театра в разных странах, жизнь и скитания еврейских актеров, талантливых

людей из народа, превращающихся в условиях царского строя в „блуждающие звезды“.

Этот роман Шолом-Алейхем рассматривал как третью часть трилогии, в которую входят „Стемпеню“ и „Иоселе Соловей“. Шолом-Алейхем считал своим долгом снова вернуться к жизни и быту еврейского народного художника. В своих прежних романах о художниках, написанных 20 лет назад, он показал, как Стемпеню и Иоселе-Соловей погибают, удушенные давящей, тесной атмосферой мещански-патриархальной среды. В романе же „Блуждающие звезды“ Шолом-Алейхем рисует судьбу Рафалеско, которому хоть и удалось выбраться на широкую дорогу, но участь его в буржуазном мире не лучше участи его предшественников — коллег по искусству Стемпеню и Иоселе-Соловей.

Сюжет романа разворачивается на весьма обширном географическом пространстве: Россия, Центральная Европа и Америка.

„Лестница этого сооружения упирается, можно сказать, своим основанием в нашу страну, а вершиной своей достигает до Америки“. (Из письма Шолом-Алейхема)

Шолом-Алейхем ставил себе задачей с помощью романа „Блуждающие звезды“ „дезинфицировать, противопоставить и изгнать из американского обихода“ бульварную литера-

туру, от которой „лицо горит со стыда“, когда читаешь ее. Шолом-Алейхем здесь продолжал свою упорную борьбу с шомеровской гнилью, которую он начал еще 20 лет назад и неумолимо вел до конца своей творческой жизни.

Живя за границей, в разных санаториях, вдали от еврейских народных масс, Шолом-Алейхем не переставал проявлять интерес ко всему, что происходит на родине, в России. Судьба еврейских масс занимала его больше всего. Позорный, кровавый царский навет, дикая „бейлисиада“ с инсценированным иезуитски-средневековым процессом всколыхнула страну и вызвала возмущение у лучших людей России, и в том числе у великого народного писателя Шолом-Алейхема.

Свой пламенный протест против царского произвола он выражает в романе „Кровавая шутка“, в котором обнажает все изуверские махинации царского правительства, пригвождая его к позорному столбу.

Шолом-Алейхем скучает по России, по своим героям, ему хочется видеть, что произошло с ними, какие изменения, вообще, произошли за шесть лет его отсутствия. Находясь на чужбине, он издали ощущает силу революционного подъема, начавшегося в России. Надежды на лучшую, свободную жизнь, никогда не оставлявшие его, загорелись теперь с новой силой.

„Будущее нашего народа как раз здесь, в стране, где мы живем. Тяжелые времена пройдут, черные, тучи рассеются, небо прояснится“. (Из интервью с Шолом-Алейхемом в 1914 году)

Приехав в 1914 году в Россию, Шолом-Алейхем выступает в различных городах и местечках. Его всюду встречают как дорогого гостя, с большой любовью и воодушевлением. Шолом-Алейхем приводит в восторг читательскую массу не только своими прекрасными произведениями, но и высоким мастерством своего чтения. Шолом-Алейхем при чтении своих произведений являлся лучшим толкователем данных в них образов. Он раскрывал их перед слушателями со всеми их характерными особенностями, передавая их интонацией, произношением, жестами и мимикой.

После своего триумфального турне по России Шолом-Алейхем уезжает в Альбек (Германия), к морю, куда через некоторое время приехала вся его семья. В Альбеке он прожил вплоть до начала империалистической войны. С началом войны он пробирается в Данию, а оттуда уезжает в Америку.

Материальное положение Шолом-Алейхема снова становится тяжелым. Война с ее ужасами и горем влияет на него удручающе. В довершение всего он получа-

ет печальное известие из Копенгагена о смерти своего старшего любимого сына Миши. При всей его внутренней потрясенности и трагических переживаниях он, однако, ни на минуту не выпускает из рук пера. Творческая работа служила ему утешением и средством для проявления своей любви и сочувствия к трудящемуся люду, мающемуся в душных фабриках и мастерских, а также для выражения своего протеста против кровавой войны, против среды „олрайтсменов“ и желтой прессы, которую он ненавидел всеми фибрами души.

Берель Айзиков, „лжец“, режет, не стесняясь, правду об Америке, где над всем царит доллар, где торгуют чем угодно — „богом, добродетелью и даже местом в раю“. („Рай небесный“)

Живя в центре капиталистической Америки, Шолом-Алейхем еще острее видит все лицемерие буржуазного мира с его империалистическими войнами, уничтожающими миллионы молодых жизней ради грабительских целей, ради утоления жажды наживы господствующих классов. („Сказки из тысячи и одной ночи“)

Шолом-Алейхему, гениальному писателю и великому оптимисту, всегда заглядывавшему далеко вперед и изображавшему сегодняшний животрепещущий день, трудно

было оглянуться назад, на свое прошлое. Как же можно писать биографии,—говорил он,—когда пребываешь в разгаре действия, а окружающая живая действительность не дает тебе покоя, так и просится: описывай меня!

Но в 1915 году, когда он начинает чувствовать, что силы постепенно покидают его и бог весть сколько еще суждено ему жить, он решает рассказать в художественной форме про свой жизненный путь и приступает к работе над автобиографическим произведением, озаглавленным им „С ярмарки“. Этой своей художественной автобиографией, которая дает яркое отображение 60-х и 70-х годов прошлого столетия и изобилует множеством современных ему образов, Шолом-Алейхем внес в сокровищницу еврейской литературы еще один несравненный перл художественного слова. К величайшему сожалению, Шолом-Алейхем не успел осуществить весь намеченный план и полностью закончить автобиографию, которая должна была составить несколько томов.

16

Американские газетные редактора и театральные „менеджеры“ (директора) обходились с великим народным писателем еще

циничнее, лицемернее и лживее, чем еврейские редактора и издатели в России. Газета „Дер Тог“ отказывается продолжить свой договор с Шолом-Алейхемом, а среди всех еврейских театров в Америке не находится ни одного, который согласился бы принять для постановки его замечательную комедию „Большой выигрыш“. Все это причинило Шолом-Алейхему немало нравственных мук и очень печально отразилось на его здоровье.

В конце зимы 1916 года Шолом-Алейхем весьма серьезно заболел и больше уже не поднялся на ноги. Лежа больным в постели, он использует каждую минуту временного облегчения и пишет. Пишет нервно, рывками, поспешно. Он ведь так много должен сказать, так много должен поведать миру! Рядом со своими близкими и родными людьми он видит и всех своих героев, которые живут у него в мыслях и которых он должен еще описать. Образ умного и сердечного Мотеля до последней минуты неотступно стоял перед глазами своего великого друга Шолом-Алейхема...

„Лежу я так, всю ночь лежу,—рассказывал Шолом-Алейхем своим близким в дни своей мучительной борьбы со смертью,—уснуть не могу, а мысль работает. Какой смысл в моем лежании? — говорю я маме. —

До чего я долежусь здесь? До рассвета еще долго... Дай-ка мне лучше перо, папку и бумагу, хоть напишу что-нибудь. Когда я пишу, мне все же легче, потому что меня все равно мучают мысли, не дают покоя. И вот так, понемногу, я написал несколько глав из „Мотеля“.

До последней своей минуты Шолом-Алейхем не терял живого интереса к жизни, внимательно следя за ходом империалистической войны, за развитием событий в России. Еще за три дня до его кончины еврейский поэт Иегоуш читал ему вслух газеты, и даже в последние часы своей жизни он не потерял своего редкостного юмора, непрерывно отпуская остроумные шутки.

13 мая 1916 года, в 7 часов 29 минут скончался в Нью-Йорке гениальный еврейский народный писатель Шолом-Алейхем.

Эта печальная весть с быстротой молнии разнеслась по всему миру. Человечество потеряло великого гуманиста, гениального писателя. Народ, трудящиеся, все те, которые были представлены образами Мотеля, Тевье, потеряли своего великого друга.

Со всех концов света полетели телеграммы, полные скорби и боли по поводу тяжелой утраты. Тысячи людей пришли отдать последний долг и попрощаться с прахом любимого писателя. За гробом

Шолом-Алейхема с поникшими головами шли сотни тысяч людей, провожая его на вечный покой.

Народ с величайшей скорбью принял весть о своей великой утрате. В одной из телеграмм, полученных из России в день похорон Шолом-Алейхема, осиротелые жители еврейского местечка пишут:

„Среди темной ночи угасла звезда, умер народный писатель, который смехом своим карал нас, просветлял и утешал“.

Теперь, когда весь советский народ празднует 80-летие со дня рождения Шолом-Алейхема, мы особенно ясно чувствуем все значение богатого наследства, великих произведений искусства, оставленных гениальным народным писателем всем братским народам нашей великой социалистической родины. В самых отдаленнейших уголках нашей страны имя Шолом-Алейхема стало любимым и родным.

Читая его произведения, мы зажигаемся острой ненавистью к проклятому прошлому царской России, и сердца наши наполняются беззаветной преданностью и любовью к нашей многонациональной социалистической родине.

Огромное литературное наследство Шолом-Алейхема вдохновляет и оплодотво-

ряет еврейскую советскую литературу. Его произведения служат образцом для наших советских писателей, показывая, как нужно писать для народа и учиться у народа.

Шолом-Алейхем бессмертен. Он увековечил в литературе большой период трагической истории широких еврейских народных масс. В самые тяжелые годы, пережитые еврейскими народными массами в России, он искал, нашел и раскрыл все лучшее, все яркое, все здоровое и положительное в народной жизни.

Шолом-Алейхем был как тот народный певец из древней легенды, который однажды пришел к такому глубокому источнику, что воды в нем ни рукой достать, ни веревкой добыть. Стоя у источника, певец стал петь и играть на лире. И от его чарующего пения и дивной игры забурила вода в источнике, стала подниматься и перелилась через край. Так и Шолом-Алейхем своим дивным юмором, своей горячей, нежной любовью добрался до глубин еврейской народной жизни, и источник жизни забил прозрачной, освежающей струей. И каждый, кто хочет узнать прошлое еврейской жизни со всеми ее радостями и печалью, должен прийти и черпнуть из неустанно бьющего и ярко сверкающего Шолом-Алейхемовского родника.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Шолом-Алейхем, начавший свою литературную деятельность на евр. языке в 1883 году, в 80-90-тых годах написал целый ряд рассказов по-русски. Помимо этого, некоторые его произведения, написанные по-еврейски, им же самим были переведены на русский язык. Переводческой работе Шолом-Алейхем вообще посвятил немало лет своей творческой жизни. И это было не случайным явлением — Шолом-Алейхем воспитывался на великой русской литературе и далеко неплохо владел русским художественным словом.

В одном из своих писем, трактующих о русском языке, Шолом-Алейхем пишет: „В этом языке я имею свою тысячекратную долю, я потратил на него почти все свое время в школе, а по окончании школы я много трудился над ним, пока не превратил в свое собственное достояние“.

В 1884 году Шолом-Алейхем пишет свой первый крупный рассказ по-русски. Назывался этот рассказ „Мечтатели“ и создан был он под влиянием, принадлежащей перу Менделе Мойхер-Сфорим, повести „Приключения Беньямина Третьего“.

Подобно Менделе, Шолом-Алейхем метко высмеивает оторванных от жизни мечтателей. Фишель Хариф, герой рассказа „Мечтатели“, живет иллюзорными представлениями о жизни и все свои духовные богатства черпает из библии и талмуда, и отчасти из старой древне-еврейской поэзии эпохи, предшествовавшей XV—XVI векам.

Раскрывая социальные корни среды, которая вырастила таких Фишелей Харифов, Шолом-Алейхем показывает наряду с комическим, также и трагическое в жизни человека, который тратит всю свою энергию впустую.

К этому мотиву, который в творчестве Менделе занимает центральное место, Шолом-Алейхем больше почти никогда не возвращался. Отмахнувшиеся от реальной жизни Харифы его больше не интересовали. Его внимание привлекали теперь многочисленные Менахем-Мендели, которые со всем присущим им увлечением и страстностью стремились приспособиться к народившейся капиталистической действительности.

Мечты и чаяния современных Менахем-Менделей, надеявшихся разбогатеть при капитализме, сделаться миллионерами, были не менее фантастическими, чем потусторонние грезы Харифов или Бенъяминов.

Спустя семь лет Шолом-Алейхем пишет по-русски рассказ „Роман моей бабушки“. В этом рассказе Шолом-Алейхем резко выступает против отжившей идеологии, устаревшего патриархального быта, против мещанского чванства и кичливости, против деспотического обычая „обкручивать“ молодых людей за-глаза и без их ведома, так как любовь — дело запретное.

Наряду с сатирическими моментами, в названном рассказе отчетливо выступает сочувствие автора горю несчастных, которые все свои невзгоды и страдания воспринимали как небесную кару за свои любовные грехи. Симпатии Шолом-Алейхема — всецело на стороне молодежи, порвавшей с отцами, отрекшейся от старого мещанского быта и свободно, всем пылким сердцем отдающейся чувству любви.

Противопоставляя разные поколения и их отношение к любви, Шолом-Алейхем доказывает, что любовь далеко не была так чужда еврейскому быту и очень часто прорывалась через все религиозно-аскетические преграды и препятствия.

В 1892 году, живя в Одессе, Шолом-Алейхем опубликовал в местной газете „Одесские Новости“ 25 „стихотворений — в прозе“. Из них 8 стихотворений были до этого опубликованы им по-еврейски, а впоследствии им же переведены были на русский язык. Остальные 17, очевидно, были написаны Шолом-Алейхемом в том же году, когда были опубликованы в „Одесских Новостях“.

В своих „Стихотворениях в прозе“ Шолом-Алейхем выступает перед нами как истинный демократ и гуманист, сочувствующий страданиям трудового народа и возмущающийся господствующей социальной несправедливостью и варварской бесчеловечностью. С крайним ожесточением и гневом Шолом-Алейхем говорит в своих „Стихотворениях“ о богачах-аристократах, рассматривающих весь окружающий их мир только с точки зрения наживы.

В этих „Стихотворениях“ намечен также целый ряд моментов из детской жизни, впоследствии получающих широкое развитие в творчестве Шолом-Алейхема и вырастающих в литературные произведения крупной значимости. В то время, однако, как в своих „Стихотворениях“ Шолом-Алейхем рисует преимущественно забитость, угнетенность детской души, он в дальнейших своих произведениях изображает, наряду с трагиче-

ским, также и истинную детскую жизнерадостность, беззаботность, наблюдательность, любознательность и живость.

„А на дворе все ж таки лето, ты все ж таки на улице, и божий мир все ж таки хорош“. („С ярмарки“, ч. II)

При всех мытарствах, которые переживает мальчик Мотл, он все же остается беспечным и беззаботным ребенком, веселым и шаловливым. Мотл вырывается из удушающей атмосферы нищенского дома на чистый весенний воздух и бежит взапуски с телятком. Он шалит без конца, лазит на деревья, ловит рыбу, рвет яблоки в чужом саду, передразнивает своего брата Элю, подтрунивает над Пиней, шаржирует золовку Броху, остроумно копирует взрослых, мешающих ему в его детских забавах. Через мальчика Мотеля естественный, полный непосредственности, детский мир противопоставляется искаженному, гнетущему миру взрослых.

Раскрывая перед нами гармоническое мировосприятие ребенка, Шолом-Алейхем уже в своих „Стихотворениях в прозе“ рисует искреннюю дружбу, царящую между еврейскими и не-еврейскими детьми. Невзирая на враждебные настроения и антагонизм, навешиваемые извне, в отношениях детей все же пробивается сквозь все препятствия есте-

ственное стремление к взаимной дружбе, и ребята-евреи становятся лучшими товарищами детей-не-евреев. Этот мотив, между прочим, шире развивается потом Шолом-Алейхемом в его рассказе „Пасха в деревне“.

В том же году Шолом-Алейхем напечатал в „Одесском Листке“ свои „Типы малой биржи“ (за подписью — Сэр Соломон Рабинович), представляющие вариант получившего потом широкую известность „Менахем-Менделя“ (в русском переводе книга эта вышла под названием „Записки неудачника“).

В 1893 году Шолом-Алейхем публикует в „Одесских Новостях“ два рассказа под общим заголовком „Бабушкины сказки“. Один из этих рассказов — „Чудо табакерки“ — был позднее переработан и опубликован под названием „Кафтан его сиятельства“. В том же году Шолом-Алейхем написал третий рассказ из этой серии — „Дедушкина лошадка“. Последний рассказ нигде не печатался, и рукопись его хранится в Всеукраинском Музее Еврейской Культуры в Одессе. Эта серия рассказов занимает свое особое место в творчестве Шолом-Алейхема. Элементы фольклора здесь взяты почти в их этнографическом возникновении. Шолом-Алейхем не обрабатывает их, не стилизует, как

он это обычно делал. Но все же и этот фольклорный материал густо насыщен меткими, остроумными шутками, показывающими, ради каких именно идейных целей автором здесь использован фольклор.

Шолом-Алейхема привлекала в этих сказках их внутренняя демократическая сущность и скрытый протест трудового люда, „мозолистых рук“, против господствующего класса, против богачей, смотревших на рабочего человека свысока.

Чрезвычайно большой интерес, как в смысле художественном, так и в смысле языковом, представляют сделанные самим Шолом-Алейхемом переводы собственных произведений с еврейского языка на русский (как напр. „Песня Песней“, „Нынешние дети“, „Этапом“, „Три дамы“ и др.)

Каждый из этих переводов представляет собою радикальную переработку произведения, являясь фактически новой вещью. Шолом-Алейхем всегда умел находить в русском переводе соответствующий эквивалент для данного еврейского выражения, пословицы, поговорки, делая таким образом свои еврейские образы более доступными и понятными для русского читателя.

В письме к своему сыну Мише Шолом-Алейхем пишет по поводу методов перевода своих произведений:

„Надо раньше всего вдуматься в оригинал, а после того, как перевод сделан, нужно старательно проверить каждую фразу, говорят ли так, пишут ли так по-русски? Каждый язык имеет свои идиомы, которые подчас не поддаются переводу. Нужно, поэтому, искать соответствующие эквиваленты. Такие примеры можно привести тысячами.“

Далее следует целый ряд примеров, как нужно заменять еврейские обороты речи, еврейские поговорки и пословицы — адекватными оборотами, поговорками и пословицами русскими.

Работая над своими первыми русскими произведениями, Шолом-Алейхем чувствовал, что мог бы достичь многого и завоевать видное место в русской литературе. Но в то же время ему было совершенно ясно, что для полного раскрытия всех глубин народной жизни и народного быта, для того, чтобы понести в трудовые массы светоч знания и надежды, нужно творить только на языке этих масс, т. е. на еврейском языке. И именно на этом языке, на языке своих героев, Шолом-Алейхему суждено было вписать одну из лучших страниц не только в еврейскую, но и в мировую литературу.

Но даже будучи уже знаменитым еврейским народным писателем, Шолом-Алейхем ни на одну минуту не порывал своей глубокой связи с русской литературой. Он все время переводит художественные произведения с русского языка на еврейский и с еврейского на русский, руководствуясь всегда образцами лучших мастеров русского языка. Шолом-Алейхем всегда мечтал о том, чтобы русло его творчества влилось в великий океан русской литературы. Его заветным желанием было стать родным и близким также и русскому читателю.

Когда „Мотл сын кантора“ („Мальчик Мотл“), а также и некоторые другие произведения Шолом-Алейхема впервые были переведены на русский язык и гениальный русский писатель Максим Горький так же, как и многие другие известные русские писатели и критики, дал этим произведениям очень высокую оценку, Шолом-Алейхем воспринял это как величайшую радость и торжество своей жизни. В письме, написанном в 1910 году американскому еврейскому писателю Якову Фалеру, Шолом-Алейхем говорит:

„Русская критика, замечательнейшие мыслители и лучшие журналисты хвалят книги и так высоко превозносят автора, что у меня, право же, вскружилась голова. С Гоголем,

с Диккенсом стали меня сравнивать, целые книги про меня уже написаны! И не только критика, сама публика пальчики облизывает. На протяжении одного года собираются печатать, если не ошибаюсь, уже третье издание“.

Еще в отроческие годы Шолом-Алейхема, как он впоследствии сам рассказал в своем автобиографическом произведении „С ярмарки“, Арнольд из Подворок советовал ему, если уже суждено ему стать писателем, учиться не у древне-еврейских велеречивых писателей, а у великих русских классиков.

„Не Готлобер, не Цедербаум и не Иегалел, а Тургенев и Гоголь, Пушкин и Лермонтов— вот кто должен стоять у него перед глазами“. („С ярмарки“, ч. II)

Этим советом Шолом-Алейхем руководился в продолжение всей своей творческой жизни. Ведя неустанную борьбу с бульварщиной, с так называемым шомеризмом в еврейской литературе, Шолом-Алейхем призывал собратьев учиться у Тургенева, ибо:

„Тургенев — настоящий писатель, гений, художник, поэт и вдобавок ко всему—друг человечества, обладающий эстетическим чувством, одухотворенностью, вкусом“... („Суд над Шомером“)

Позднее, в годы реакции, после революции 1905 года, Шолом-Алейхем, борясь против

декадентщины в еврейской литературе, настаивает, что единственный правильный литературный путь, по которому должен идти каждый истинный художник, — это великий реалистический путь Толстого и Чехова.

„Путеводителями могут быть только такие, как Толстой, как Чехов, не знающие при-творства, не отпугивающие публику глубиной своего ума, постичь который надо как-то особенно удостоиться. Они так правдивы и так искренни, что их понимают все. Вот у кого нам надобно учиться писать“.

В своем цикле литературно-критических статей „Еврейская нищета и лучшие произведения наших народных писателей“ („Фолкс-блат“, 1888) Шолом-Алейхем ставит в пример великого русского поэта Некрасова, правдиво отображавшего нищету и страдальческую жизнь русского крестьянина. Бедняцкая жизнь далека от той идиллии, которую рисует Спектор в своем романе (на евр. языке) „Бедняки и нищие“ и которую изображает целый ряд других художников, захлебывающихся пейзажем и панорамой.

„...Так рисуются пастухи в панорамах: в шелковых рубашках, с длинными белокурыми локонами, в красных сафьяновых сапожках, с серебристой шалью на плечах и

золотой свирелью в руках. Что и говорить — картинки чудесные, посмотреть — взор радуется. Но, увы, как далеки они от действительности! В действительной жизни мы, к сожалению, видим пастухов чрезвычайно грязными, оборванными и ободранными, с распухшими, израненными ногами, с лицами, мрачными, как тень, и черными, как ночь, с деревянной дудкой в руках, а на плечах — жалкая котомка, в которой либо есть ломоть хлеба, либо совсем нет хлеба“.

Приведенная цитата представляет замечательный документ Шолом-Алейхемовской борьбы против романтизма, приукрашивающего серую действительность, неутомимой борьбы за реализм, лучшие образцы которого Шолом-Алейхем всегда искал и находил в классических произведениях русской литературы.

Среди своих личных интимнейших бумаг Шолом-Алейхем хранил в особом конверте гоголевскую цитату:

„И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы“. („Мертвые души“, т. I, глава 7)

„Видный миру смех и незримые слезы“ — это характерная особенность многих Шолом-

Алейхемовских произведений, и именно поэтому ему так близки и дороги были слова Гоголя.

Шолом-Алейхем восторгался также мастерским описанием природы, свойственным Н. В. Гоголю. В те минуты, когда покинувший родину Шолом-Алейхем ощущал особенно острую тоску по украинской природе, эта тоска всегда ассоциировалась у него с каким-нибудь Гоголевским пейзажем или описанием.

Брат Шолом-Алейхема, В. Рабинович, рассказывает в своих воспоминаниях:

„В его письмах ко мне неоднократно прорывалась мысли о том, как он скучает по украинской природе, особенно по Днепру. В одном письме он вспоминает про нашу давнюю поездку по Днепру и при этом цитирует Гоголя: „Чуден Днепр при тихой погоде“...

Влияние Гоголя особенно чувствуется в творчестве Шолом-Алейхема—драматурга. Так например, пьеса „Якнегоз“ написана под безусловным и сильным влиянием Гоголевского „Ревизора“.

К русским писателям, захватывавшим и увлекавшим Шолом-Алейхема, к авторам, произведения которых он хотел бы увидеть переведенными на еврейский язык, относится также знаменитый русский писатель, великий гуманист Владимир Короленко, неоднократно

поднимавший голос протеста против политики угнетения и бесправия, проводившейся царским правительством по отношению к еврейским массам. Прося Короленко разрешить ему перевести на еврейский язык „Слепой музыкант“ (для сборника в пользу пострадавших от Кишиневского погрома), Шолом-Алейхем пишет:

„Остановив свой выбор на вашем в высшей степени талантливом произведении „Слепой музыкант“, я перевел его, и, смею надеяться, довольно удачно“...

Произведения Чехова Шолом-Алейхем прочитывал десятки раз и всегда находил в них что-нибудь новое. Великий еврейский народный писатель так высоко ценил Чехова, что всегда ставил его в пример своим молодым коллегам, требуя от них, чтобы учились раньше всего и больше всего у Чехова. Для того, чтобы создавать истинно-художественные произведения, — говорил Шолом-Алейхем, — „нужно уметь достичь Чеховской ясности, сжатости и скупости слова и фразы“.

Перед талантом Льва Николаевича Толстого Шолом-Алейхем преклонялся, не находя слов для выражения своего восторга и уважения. Ибо Толстой — это „величайший титан литературы“.

„Я всю жизнь рвался к этому ослепительному, сияющему и согревающему солнцу,

носящему имя Толстой", — писал Шолом-Алейхем в своем ответе на предложение написать что-нибудь о Л. Н. Толстом.

„Я не удостоился чести, — с сожалением подчеркивает Шолом-Алейхем, — лично быть знакомым с Толстым и буду жалеть об этом до последнего дня моего существования“.

Русская литература вызвала у Шолом-Алейхема величайший интерес и восхищение еще и потому, что он больше, чем кто бы то ни было, сумел почувствовать в русских бессмертных классических произведениях таящуюся в них глубокую, безграничную любовь к народу. Его привлекал горький смех, ирония и злая сатира на правящую клику — на царское правительство, на помещиков и чиновников, на маленьких людишек с маленькими делишками. Он находил во всем этом много родного, близкого имеющего немало общего с его собственным творчеством. Русские бессмертные классические произведения помогли Шолом-Алейхему глубоко и всесторонне понять и разобраться в том, что происходит в царской России, в этой огромной „тюрьме народов“.

Крепкая привязанность и глубокая любовь к русской литературе сильно дали себя почувствовать и оставили многочисленные следы в творчестве Шолом-Алейхема. В его сатирическом романе „Сендер Бланк“, написан-

ном в в первые годы его творческой деятельности (в 1887 г.), явно чувствуется влияние великого русского драматурга Островского. По образцу Островского Шолом-Алейхем изображает главного героя Сендера Бланка еврейским своеобразным Кит Китычем. Разоблачение еврейской буржуазной семьи, со всей ее уродливостью, гнилью и убожеством, внесло смятение и вызвало гнев в рядах буржуазных рыцарей пера.

Буржуазный критик И. И. Лернер выступает с резкой статьей против Шолом-Алейхема за то, что тот поддался влиянию Островского, за то, что он дерзнул поколебать устои еврейской буржуазной семьи.

„Я не знаю,— пишет Лернер,— достаточно ли знаком господин Шолом-Алейхем с типом Кит-Китыча, так талантливо показанным знаменитым Островским в его драматических произведениях. Но если он знаком, то я должен со всей откровенностью сказать, что он взял на свою душу большой грех, ибо создавать еврейских Кит Китычей означает ни более ни менее, как оскорбить еврейский семейный быт, оклеветать еврейскую уживчивость, которая составляет предмет зависти даже для самых заклятых врагов“. (Статья „Живые мертвецы“, приложение к „Юдише Фолксблат“, 1882, № 28)

За это наступление на буржуазную семью,

за „клевету“ на еврейскую уживчивость, буржуазный царский лакей Лернер на протяжении многих лет измышлял всякие инсинуации против Шолом-Алейхема, сочинял на него доносы царскому правительству и всячески мешал ему в осуществлении его литературно-общественных планов и начинаний.

Великий реалист Шолом-Алейхем знал, что „жизнь не стоит на месте, и писатель — тоже“. Именно поэтому он всегда ощущал живой пульс жизни и в творениях своих откликался на всякое животрепещущее событие.

В то время, как еврейская буржуазия, перепуганная новым процессом дифференциации, которую влечет за собою революция, неустанно трубила о „семейном благополучии“ на еврейской улице, Шолом-Алейхем выступил со своим произведением „Разброд“, написанным и переработанным под впечатлением Горьковской пьесы „Мещане“. В семье Меера Шаланта происходит то же раздробление, что и в доме Бесемонова в „Мещанах“.

Жизнь разбушевалась, кругом идет ломка, все меняется, и само собою понятно, что все социальные столкновения и события проникают также и в еврейский быт.

Горьковский мотив, перенесенный в пьесу Шолом-Алейхема, нанес сокрушительный

удар буржуазным устоям, разбил все „теории“ о „незыблемости“ еврейского „семейного духа“ и прозвучал как вестник грядущей бури и грядущих новых времен, о которых еврейская буржуазия, вместе со всей прочей буржуазией, и слышать, конечно, не хотела. Еврейские националистические буржуазные критики бросились в яростную атаку против Шолом-Алейхема, осудив новый горьковский мотив в еврейской литературе на беспощадное изгнание.

Иные, пытаясь вернуть „блудного сына“ Шолом-Алейхема на путь праведный, советовали ему возможно скорее избавиться от „чуждого“ влияния Горького и, рисуя только добродушные, комические характеры, не залезать в область „отвлеченного мышления“. Шолом-Алейхем дал тогда самую резкую отповедь всем этим советчикам и еще больше стал близок и сдружился с великим властителем дум Максимом Горьким.

Горьковский мотив, наводивший такой ужас на еврейскую буржуазию и на ее разношерстных прихвостней, все больше утверждается в дальнейших творениях маститого еврейского писателя. Шолом-Алейхем, как подлинный реалист, не перестает раскрывать перед читателем все разнообразные процессы расслоения, происходящего в еврейской жизни, и формирование новых революционных

элементов (Иосиф, Шмулик, Перчик, Годл).

Но вот стала надвигаться революция 1905 года. Страна насыщена духом восстания и протеста. Со всех сторон гремят залпы царских войск, расстреливающих многочисленные демонстрации, восставших рабочих и крестьян. Разнузданные черносотенцы, сторожевые псы царского трона, организуют в городах и местечках кровавые погромы, стремясь еврейской кровью залить мощную революционную волну. В это самое время Шолом-Алейхем приезжает в Петербург и там впервые встречает Горького, с которым уже несколько лет вел оживленную переписку. В мрачной царской России Горький был одним из надежнейших друзей бесправного и обездоленного еврейского народа. Он в то же время—одна из значительнейших фигур своей эпохи, и именно с ним Шолом-Алейхем чувствует необходимость поделиться, излить душу, ибо только Максим Горький может ему помочь разобраться в создавшемся положении.

По словам Шолом-Алейхема Горький принял его „в высшей степени дружески, чисто по-товарищески“. Горький обещает познакомиться с выдающимися представителями прессы, и весь их разговор вращается „вокруг вопросов литературы, как общей, так и еврейской“.

Встреча с Горьким произвела на Шолом-Алейхема сильное впечатление и еще больше укрепила его любовь к великому русскому писателю. „У него доброе, открытое, чистое лицо, он очаровал меня“, — не может нахвалиться Шолом-Алейхем, рассказывая о Горьком в письмах к своим детям, написанных в день этой знаменательной встречи. Этого человека „с добрым, открытым, чистым лицом“ Шолом-Алейхем впоследствии вводит в свое бессмертное произведение „Тевье Молочник“, ибо, если Горький еврейскую буржуазию пугал, то широкие народные массы он очаровывал, точно так же, как очаровал их великого писателя — Шолом-Алейхема.

Хава — дочь Тевье — хранит у себя портрет Горького как святыню.

„Горький, — объясняет Хава своему отцу Тевье, — теперь один из первейших людей во всем мире“.

„... Горький — это знаменитый писатель, сочинитель, то-есть человек, который сочиняет книги. И он такой милый, такой чудный, такой честный человек. Он тоже из простого сословия, нигде не учился, а только самоучкою. Вот его портрет“...

Со стороны Шолом-Алейхема это было смелым ответом всем тем, которые атаковали его за товарищескую и творческую близость с Горьким.

Творческая близость с Горьким укрепила Шолом-Алейхемовский реализм, способствовала тому, чтобы он почувствовал себя „точно вновь рожденный, с новыми, доселе неведомыми силами“, и помогла ему противостоять надвигавшейся черной реакции.

Шолом-Алейхему—реалисту были весьма близки литературные воззрения Горького. Все, что Горьким изгонялось из русской литературы, Шолом-Алейхем никогда не давал доступа в еврейскую литературу. Он всегда был врагом литературных врагов Горького, что видно по его неустанной борьбе с символизмом, мистицизмом и декадентщиной, а также по оценкам, которые он давал целому ряду русских писателей, вроде Аверченко, Андреева, Арцыбашева. Шолом-Алейхем очень резко выступает против Аверченковских „плоских острот“, возмущается мрачным философствованием Андреева и считает крайне опасным то, что Андреев, „этот литературный бомбометатель“, начинает подчинять своему влиянию молодых русских и еврейских писателей.

В своей книге „Записки коммивояжера“, в рассказе „С родной могилы“, Шолом-Алейхем дает уничтожающую характеристику позорному роману Арцыбашева „Санин“.

„Как бы вам сказать? Чепуха несуразная!

Вот, судите сами: жил-был, рассказывает он, некий молодой человек... И была у него сестра, которая страшно любила какого-то доктора, но тяжела стала от офицера“...

„...А конец таков, что Санин с пустым чемоданом отправился к солнцу, офицер застрелился, студент застрелился, красавица отравилась, и еврей Соловейчик там есть, так и тот повесился...“

Литература должна исходить из жизни, она должна быть проникнута глубочайшей любовью к народу—за этот Горьковский творческий принцип и художественный завет Шолом-Алейхем боролся всю жизнь и всегда проводил его в своих произведениях.

Горький, с своей стороны, тоже высоко ценил Шолом-Алейхема, считая его величайшим еврейским классиком. Горький оценивает Шолом-Алейхемовский юмор, как „печальный и сердечный“, заставляющий плакать и смеяться. Горький первый улавливает самое существенное в творчестве Шолом-Алейхема—глубокую любовь к народу.

В связи с выходом в свет русского перевода книги „Мотл, сын кантора“, Горький в 1910 году пишет Шолом-Алейхему:

„Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал—чудесная книга!.. Книга мне очень нравится—еще раз скажу—превосходная книга! Вся она искрится такой славной, добротной

и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни“.

На первом Всесоюзном съезде писателей Горький говорит о Шолом-Алейхеме, что он — „необыкновенно талантливый сатирик и юморист“. Горьковская меткая оценка творчества Шолом-Алейхема разрушает все теории о том, что Шолом-Алейхем никогда не применял оружия сатиры и что он в своем творчестве „не ставит себе никаких целей“.

Создание целого ряда произведений на русском языке, постоянное стремление к тому, чтобы все его книги были переведены на русский язык являлось следствием его страстного желания показать русскому читателю весь „внутренний смысл жизни обитателей „черты“, раскрыть светлый образ человека, со всеми его радостями, печалью и стремлением к идеалу“. И с помощью этого „разогнать тени“, разрушить „высокую, крепкую китайскую стену, отделяющую внутренний еврейский мирок от всего остального окружающего мира“. (Из предисловия Шолом-Алейхема к первому изданию собрания его сочинений, 1910 г.)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Шолом-Алейхем, великий друг народа, всеми силами своей души ненавидел тех, кто эксплуатировал народ, мучил его, унижал и оскорблял. Неустанно разоблачая буржуазию, Шолом-Алейхем, с приближением революции 1905 года, обрушивает с необычайным гневом свой сарказм на царское правительство.

„Тетя Рейзя“ — понимай: царская Россия — особа богобоязненная, темная, верящая в колдовство и в чертей, но душа у нее черствая, жестокая.

Обходилась она с людьми грубо, прислугу таскала за косы, била смертным боем, и не было у нее никакой жалости к живому существу: что человек, что собака, скажем, или кошка — все один чорт“. („Дядя Пиня и тетя Рейзя“, 1905 год)

В своем аллегорическом памфлете „Новорожденное“ (1905) Шолом-Алейхем сарка-

стически высмеивает „матушку Росл“, т. е. царское правительство.

„Матушка Росл“ держит всех в страхе божьем.“

„Если кто за столом громкое слово скажет, засмеется, не туда шагнет, не с тем заговорит, вмешается в домашние дела, заглянет в хозяйство или в кухню забредет — тот уже и жизни не рад“.

И если случалось — ослушается кто, непокорность проявит, тогда „матушка Росл“ изливала свой гнев и возмущение на молодежь. „За какое-нибудь лишнее слово нас терзали, били, истязали“. „Дети не смеют путаться под ногами“. Напишет кто письмо, она награждает его тумаками, споет кто песенку, она его до смерти сечет.

Для укрощения строптивых применялась также помощь „кабаков и острогов“ да „церквей, им же несть числа“, а

„Жандармы и казаки,
Стража у дверей,
Кто горазд для драки,
Тот — лупи и бей...“

(Из сатирического антиправительственного стиха Шолом-Алейхема „Спи, Олекс“)

Шолом-Алейхем с такой же язвительностью смеялся над царской „милостью“, над всеми „конституциями, амнистиями и свобо-

дами". Все это, — объясняет Шолом-Алейхем читателю, — не больше, как хитрость, маневр, придуманный для обмана широких народных масс.

Вот некоторые пункты из Шолом-Алейхемовского трезвого толкования указа о „свободе“.

„Кому нечем жить, тот свободно может умереть с голоду.“

„Кто ходит без работы и не имеет занятия, тот свободно может биться головой об стенку“.

„Кто женился и не имеет чем прокормить жену, тот свободно может отправиться вместе с нею по-миру“.

„Кто жил, жил да умер, тот свободно может быть похоронен всюду, „где евреям дозволено“. („Революция по ту сторону Самбатрона“)

Далее Шолом-Алейхем продолжает насмехаться над царским правительством:

„Для того же, чтоб никто не дерзал выступать против „дарованных прав и свобод“, всем, могущим что-нибудь изречь, тихонько повырезали языки, славным молодцам, умеющим писать, поотрубали пальцы, а остальное дополнено было еврейскими погромами“.

Свою ненависть к царской власти Шолом-Алейхем обнаруживает не только в аллегорических памфлетах, но и в целом ряде

других произведений, рисующих экономическую беспочвенность еврейских масс, их политическое бесправие, а также кровавые погромы черносотенцев. Все это Шолом-Алейхем выдвигает как тяжелый обвинительный акт против царского самодержавного строя.

В своих антивоенных рассказах, „Сказки тысячи и одной ночи“ Шолом-Алейхем скорбит о еврейской молодежи, сражающейся в царской армии и погибающей в огне империалистической войны.

За кого Янкель из Янова пойдет драться? За ту власть, которая его унижала и оскорбляла? За заводы и фабрики, к которым он и подойти не имел права? За гимназии и университеты, двери которых всегда были для него закрыты? За страну, которая была для него, как и для всех народов, только тюрьмой?

А когда рядовой Шмуль-Мойше замышляет спастись от бесправия и бесчеловечной тирании через патриотизм, через героизм, Шолом-Алейхем горько насмехается над ним.

„Скажите, какая радость — два Георгия! А спросите его, что он станет делать с ними? А ну-ка, пусть попробует, скажем, приехать в Петербург или Москву — разве не вытурят его оттуда вместе с его Георгиями?“

Нет, идти на уступки буржуазно-помещичьему строю нельзя, — убеждает Шолом-

Алейхем своего читателя. Он, может быть, и пообещает что-нибудь, но в результате даст „сухую болячку и свежую фигу на закуску“. Выход есть только один — не за этот строй, не с ним, а против него.

Все революционеры у Шолом-Алейхема — дети трудового народа, беспощадно гонимые и унижаемые. В революции они ищут спасения, в ней они видят избавление.

Брат Фани (пьеса „Люди“) не может перенести позора и страданий своей несчастной, обманутой сестры, вынужденной торговать своим телом, и он становится „политическим“.

„Прежде он был тихоней, а теперь стал политическим“, — говорит о нем сама Фаня.

Перчик, сын папиросника, стряхивает с себя ярмо нужды и приниженности, становится увереннее и гордится своими новыми идеями: „Не дождутся, — говорит он, — богачи, чтобы я себя стал с ними сравнивать...“

А Одл („Молочник Тевье“) рвется из заброшенного одинокого хутора к своему Перчику, увлеченная его мыслями о социальной справедливости. Она вся проникнута мечтой и надеждой, что скоро-скоро будет „много нового и много хорошего“.

Революционные герои Шолом-Алейхема, все вышедшие из народа, идут к народу же, чтобы убедить, просветить его насчет новой социальной правды, открывшейся всему миру.

„Вы совсем люди темные — вы ничего не знаете“, — говорит Шмулик крестьянам и, усаживаясь вместе с ними прямо на земле, начинает их просвещать:

„Весной, когда природа просыпается, когда земля пробуждается со сна, сбрасывает с себя белое одеяло и просится, чтоб ее обрабатывали — вот тогда пусть паны потрудятся сами пахать, жать, вязать, возить в закромы, молотить, молоть тончайшую муку, месить, печь сдобные булочки, — сами, сами, сами!“ („Шмулик“)

Маша Башевич („В бурю“), сидя в извозчичьей пролетке, пользуется случаем, чтобы поговорить с извозчиком. После того, как она объясняет ему, что творится теперь на белом свете, на лице извозчика начинает играть „широкая светлая улыбка, которая должна была означать: теперь мне все ясно, как на ладони“...

Макс („Пасхальная трапеза“) „вытаскивает из голенища сапог маленькую засаленную книжку и передает Лизе как некую святыню“. Поздно ночью прислуга Лиза зажигает маленькую керосиновую лампочку, залпом прочитывает всю книжку, и ей становится ясно, что она лучше своих хозяев, что хозяйское богатство принадлежит ей. И сердце у нее наполняется надеждой: „Наступит время, золотое время“...

И за эти свои новые чувства и мысли, за грядущее золотое время, она безгранично благодарна Максу.

„Не было Макса — не было ума; пришел Макс — все изменилось“.

Перчик („Молочник Тевье“) спорит с Тевьей и доказывает ему, что бедствующим трудовым массам принадлежит львиная доля имущества богачей. Деньги — это язва на теле человечества, нужно весь мир перекрыть, изменить. Тевье, который бравирует своим скептицизмом, все больше и больше убеждается в том, что Перчик прав.

Дети „простонародья“, все эти революционеры, вышедшие из трудовых слоев, явились с тем, чтобы немой протест, озлобление и гнев своих отцов превратить в кровавую борьбу с угнетателями и насильниками. И именно поэтому бедняцкая масса так любит их, именно поэтому и установилась такая близкая, интимная, взаимная привязанность между трудящимися отцами и их революционными детьми.

Липа Башевич с гордостью говорит о своей дочери Маше: „Не думайте, что она сидит за кражу, она — политическая“.

Питая уважение к горячей вере своей дочери Одл в революцию, Тевье с глубокой нежностью говорит: „Такие уж у меня дочери: если увлекутся чем-нибудь, так всем

существом и всей душой". Революционера Перчика Тевье расценивает как "такого человека, который о себе самом не заботится, главное у него — мирские заботы, к тому же у него на плечах голова сидит, а не кухонный горшок с блестящей лысиной, язычок же у него — чистопробное золото".

Зисл, жена сапожника Нехамкина, не даст на революционеров пылинке упасть.

„Легко сказать: люди рискуют жизнью ради вас, ради меня и ради всех [нас". („В бурю")

„Крестьяне пятнадцати окружающих сел слушают Шмулика, смотрят ему в глаза и верят ему, только ему одному, только Шмулику" („Шмулик"), а когда полиция хочет арестовать Шмулика, крестьяне переодевают его и „вместе с Шмуликом идут к нему домой искать Шмулика".

Точно так же, как и сам народ, писатель этого народа, Шолом-Алейхем, чтит революционеров, как лучших сынов страны. О русском революционере Романенко Шолом-Алейхем пишет с глубокой любовью:

„Он был лучшим из сынов страны, человеком с любящим сердцем, чистой совестью, высоким идеалом, с истинным желанием сделать что-нибудь хорошее, полезное для несчастного голодного народа". („В бурю")

Эти горячие, любящие, глубоко человеческие сердца, которые Шолом-Алейхем выявляет у своих революционных героев, служат лучшим опровержением пускавшейся в ход злобной клеветы, что революционеры — люди серые, аскеты, бесстрастные, люди, которым чуждо все красивое, человеческое.

Сердечная Маша, с ее „добрым искренним смехом“, всюду приносит с собой радость и оживление. Она шутит, подбадривает и умеет также при надобности засушить рукава и превратиться в судомойку или же с чисто женской нежностью унять и успокоить плачущего ребенка.

„Истинное искусство люблю, да еще маленьких детей“, — говорит о себе Маша. Она нежно любит своих братцев и сестреноч, отца и мать.

„Я почти через день получаю от моей капеллы письмецо — от сестреноч, братьев, от матери и отца“.

И именно потому, что Маше далеко не чуждо все человеческое, она может увлечь и повести за собою широкие массы. „Наша Маша“ — называют ее все. „Многие готовы были идти с ней в огонь и в воду, на край света“.

В рассказе „Иосиф“ (1905) Шолом-Алейхем противопоставляет двух представителей различных классов, людей разных миров —

„джентльмена“ и революционера Иосифа. „Джентльмен“ циничен. Ему совершенно чуждо истинное, высокое чувство любви, ибо самая сильная страсть, владеющая им,— это его дела и деньги. Сам он довольно метко говорит о себе:

„А наш брат, как вам, конечно, известно, если получит деловую телеграмму, значит— кончено, пропала, как говорится у вас, корова вместе с привязью — все долой!“

А вот как рисуется любовь Иосифа.

В лесу, на нелегальной сходке, их любовь была закреплена навсегда, на всю жизнь. Иосиф произносит пламенную речь, которая воодушевляет и захватывает всех присутствующих. И всем начинает казаться, что он „сейчас вспарит вместе со словами туда, в высь“.

Но больше всех увлечена и очарована дочка вдовы. Она сидит на земле, „поджав под себя ноги, скрестив на груди руки, лицо сияет, щечки горят, верхняя губа чуть приподнята, а красивые черные глаза улыбаются — и прямо ему, прямо ему“...

Имя „Иосиф“ она произносит мелодично, точно поет. Когда она смеется, все кругом смеется вместе с нею: „смеетесь вы, смеется стол, и стулья смеются, стены смеются — вся жизнь смеется“.

После ареста Иосифа ее любовь к нему

еще больше возрастает. Она восхищается как им самим, так и его героическими поступками.

„Двойная“ любовь Одл — любовь к Перчику и к его идеям — в сущности представляет одно гармоническое, цельное чувство. Любовь к идеям Перчика дополняет и делает ярче ее любовь к самому Перчику. И именно поэтому она говорит и о революции и о Перчике с одним и тем же огнем в глазах.

„Этого, говорит она, нельзя понять одним умом, это, говорит, надо сердцем почувствовать“.

Никакая сила в мире не может удержать Одл от того, чтобы последовать за Перчиком в Сибирь. Пойти за ним, бороться рядом с ним — это желание сильнее всего. „С ним мне все равно, хоть к чорту на кулички“...

Любовь между Одл и Перчиком — чистая, человечески-ясная, здоровая, возвышенная.

При отъезде Перчика Одл не уронила ни одной слезинки.

„И вот он уезжает бог знает куда, а она остается здесь, — рассказывает Тевье, — и хоть бы одну слезу пустила, ну, хоть бы ради приличия“...

Отъезд Перчика не является для Одл несчастием. Ведь он едет для того, чтобы включиться в борьбу, осуществить свои и

ее мечты. Они идут одной дорогой и раньше или позже сойдутся.

Умный Тевье хорошо понимает любовь своей дочери. Ей все же лучше, чем ее сестре Бейлке, она даже в „несчастьи“ своем счастлива. А Бейлка, жена богача, „мается в богатстве и почете“ со своим богатым мужем—буржуа Педоцером.

Тевье так и объясняет своей дочери Бейлке: „Вот тебе, говорю я, доказательство. Твоя сестра Одл, говорю я, изрядная беднячка, а все-таки, говорю я, посмотри, что она пишет бог весть откуда, с самого края света, она считает себя счастливой, говорю я, со своим бедовым Перчиком“.

Народный писатель Шолом-Алейхем восхищается геройством и самоотверженностью революционеров, проливавших свою кровь, отдававших жизнь свою, „сложивших голову на эшафоте за нас и за нашу свободу“. („В бурю“)

Волосатый, весь обросший Миша Березняк „со своим басом, гудящим как колокол“, обладает большой физической силой, но еще большей моральной и духовной силой. Он смело и бесстрашно идет навстречу любой опасности: он бежал из Сибири, убегал из

десятков тюрем, переносил и преодолевал в жизни самые невероятные трудности.

Трое молодых революционеров — Финкель, Бомштейн и Грузевич, всегда бывают вместе, действуют, как один человек, и даже пред лицом смерти остаются неразлучными. Все вместе, втроем, они погибают в один день за революцию. („Три вдовы“)

Гриша, один из революционеров, которых Шолом-Алейхем рисует в своем романе „В бурю“, переодевается капитаном и вместе с другими товарищами, одетыми в полицейские мундиры, освобождает из тюрьмы группу своих соратников. И все вместе снова отправляются в тяжелый, кровавый путь борьбы. Чем тяжелее борьба, тем больше они проявляют бесстрашия и героизма, ничто не может их остановить, даже смерть. Когда прокурор объявил Романенко, что в два часа он будет повешен, у Романенко „не дрогнул ни один мускул на лице“.

„Из камеры осужденный вышел гордый и спокойный, словно отправляясь на прогулку. Подойдя к виселице, он мягко обратился к одному из офицеров со следующими словами: „Передайте моим товарищам, что я умираю спокойно и что вечно буду с ними. Его последние слова были: „Кланяйтесь моей матери!“ Такого необычайного спокой-

ствия никогда еще не видели в стенах крепости.

„Так умирает русский герой“. („В бурю“)

И чем сильнее Шолом-Алейхем восторгается удивительным мужеством этих героев, тем больше нарастает в нем чувство гнева и протеста против разнузданного царизма и его зверской расправы с лучшими людьми страны, тем больше проявляется великий гуманизм писателя, который питал безграничное уважение к героям революционерам, вступавшимся за обездоленных, угнетенных и униженных.

Великий гуманист Шолом-Алейхем разоблачает варварство и дикий произвол царских палачей. Он возмущается монархистскими бандитами пера, которые с сладострастным садизмом описывали, как пытаются и вешают революционеров.

„Один из троих долго боролся со смертью. Так как он был тяжелый (то был Бомштейн), его два раза вынуждены были вешать, так писали потом в газетах.“ („Три вдовы“)

Наступила реакция. „Тихо опустилась на землю темная ночь и распростерла свои крылья на мрачный мир“.

Темная ночь молчит, утаивает, не хочет рассказать про „тихие тайные собрания в тихих тайных погребах“.

Но не будет вечно длиться темная ночь. Она исчезнет, должна исчезнуть!

„Оно придет, желанное светлое утро, оно придет, и все поведано будет в радости“. („В бурю“)

А год спустя—в 1908 г.—Шолом-Алейхем пишет в одном из своих писем:

„Я уверен, что жизненное течение и признаки, которые я замечаю у нас в стране, в кровавой стране, являются для нас хорошими признаками и явным доказательством, что скоро засияет над нами солнце“.

Эта уверенность не покидает писателя до конца его жизни. Размышляя о тяжелой участи еврейских народных масс в царской России, Шолом-Алейхем пишет (в 1914 г.): „Будущее нашего народа как раз здесь, в стране, где мы живем. Тяжелые времена пройдут, темные тучи рассеются, и небо станет ясным“.

Революционер Хаим из романа „В бурю“, уезжающий со своими родителями в Америку, с уверенностью заявляет, что Россия в конце концов будет свободной страной, и те, которые бегут оттуда, еще вернутся назад.

„Пусть только немного перебурлит здесь, и все поедут назад сюда, „к нам“, как едут сейчас туда, в Америку“.

Гениальный писатель Шолом-Алейхем и революционер Хаим не ошиблись...

Кровь всех Романенко, Башевичей, Финкелей, Бомштейнов и Грузевичей не пролита даром. Светлое утро настало, и родилась светлая, яркая жизнь, которая окрыляет и притягивает всех к нам—к отечеству и родине всех эксплуатируемых и угнетаемых во всем мире.

И среди этой великой радости родившейся свободной счастливой жизни все ярче сияет, все любимее становится имя Шолом-Алейхема, этого гениального изобразителя минувших страданий, друга народа, который в самые тяжелые, мрачные годы приносил утешение и надежду на лучшие времена.

САТИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Вульгарно-социологические критики, оценивая творчество Шолом-Алейхема, — неожиданно, возможно, для самих себя — пришли к тем выводам, какие делала буржуазно-националистическая критика.

Установка была в общем такая: Шолом-Алейхем в своих произведениях добродушен, он в отношении ко всем и ко всему применяет метод жалости; он без меры милостив и все прощает.

Единственная разница между обеими группами критиков заключается в том, что буржуазно-националистическая критика считала мнимое добродушие Шолом-Алейхема достоинством, а вульгарно-социологическая рассматривала его как недостаток.

В действительности же, утверждение это является бессмысленным наклепом на гениального народного писателя. Нелепые выдумки о том, что Шолом-Алейхем, безрас-

судно влюбленный в своих героев, ни для кого из них не делает исключения, никого не разоблачает, никого не бичует, является ни более ни менее, как неудачной попыткой умалить достоинства Шолом-Алейхема не только как сатирика, но вообще как художника.

Разве можно мыслить крупного писателя без больших социальных страстей? Писатель, который ко всему равнодушен, ко всем относится безразлично, ни к кому не проявляет ненависти во имя вдохновляющей его великой любви,—такой писатель никогда не мог бы подняться до высот великого истинного искусства.

Огромная социальная страстность, которой проникнуты творения Шолом-Алейхема, его изумительная, поражающая обилием красок, социальная галерея типов и образов сами говорят за себя, опрокидывая и сокрушая всякие враждебные измышления, вроде приведенной выше концепции.

„Смеяться—здорово“,—возвестил Шолом-Алейхем, и на протяжении всей своей творческой жизни не перестает смеяться и высмеивать, при чем смех его звучит чрезвычайно разнообразно. Он то искрится добротой, мягкостью, нежностью, то становится язвительным, саркастическим, злым, желчным.

В своей серии статей „Еврейская нищета

в лучших произведениях наших народных писателей" (Приложение к „Юдише Фолкс-блат“, 1888) Шолом-Алейхем резко выступает против сентиментальности, против идиллизма, старающегося все сглаживать, прилизать, приукрасить, не облегчая этим, а углубляя раны народа. Гнойную рану, говорит Шолом-Алейхем, надо во-время вскрыть, и лучшим орудием для этого служит сатира.

Восхваляя активно-наступательное сатирическое произведение Линецкого „Польский хасид“, Шолом-Алейхем подчеркивает:

„Сатира—это такой замечательный инструмент в опытных руках талантливого писателя, благодаря которому самая тяжелая задача становится легкой, и попадаешь ты прямо в точку. Публика покатывается от смеха и даже не замечает, что смеется над собою же. Этот смех—горький смех“. А в письме к Линецкому, написанном в 1888 году, Шолом-Алейхем хвалит его за хороший народный язык, насыщенный острым сарказмом, за то, что пишет он, Линецкий, „пощедринскому“.

Нельзя, однако, применять сатирический смех к каждому и всякому в одной и той же мере. В отношении аристократов и богачей, в отношении народных кровопийц сатирический смех должен быть использован во всей его уничтожающей остроте, а

там, где речь идет о том, чтобы вскрыть комизм беспочвенных иллюзий обманутого человека из народа, трудящегося, там, где сатира имеет целью не уничтожить обманутого, а, наоборот, исправить, изменить его,—там должна наряду с сатирическим смехом проглядывать бодрая улыбка юмора.

„Слышать меткие словечки, порою язвительные, видеть знакомые, правдивые, натуральные картины из истинной жизни, извлечь из них соответствующую мораль и выслушать, кстати, хороший совет, умное слово от приятеля—это, по-моему, никогда не может надоесть“... Никогда не могут, по мнению Шолом-Алейхема, надоесть такие произведения, „где серьезность и сатира, жалость и шутка, мораль и острота идут рука об руку, сплоченные и неразлучные“ (о вещи Шацкого „Канун еврейской пасхи“—приложение к „Юдише Фолксблат“, № 44, 1888).

Сатира Шолом-Алейхема, во всех ее многогранных проявлениях, обуславливалась его огромной и глубокой любовью к трудовому народу. Ибо истинная ненависть возможна только там, где есть и истинная любовь.

В своем сатирическом памфлете „Суд над Шомером“ (1888 г.) Шолом-Алейхем говорит о великой, безграничной преданно-

сти, с которой писатель должен служить своему народу.

„Чтобы стать народным писателем, нужно быть писателем талантливым, патриотом, человеколюбивым. Нужно любить свой народ и, шутя и смеясь, быть верным ему, преданным, как Абрамович, у которого за шуткой и смехом видно кровью обливающегося сердце“.

Ту же самую мысль, приблизительно, высказывает Шолом-Алейхем, говоря о своеобразном характере (смесь сатиры и юмора) творчества Генриха Гейне.

„Среди всех знаменитых поэтов он стоит особо, его лира—совсем иная лира. Его стихи—это пение свободной птицы, а мысли его глубоки, как океан, высоки, как небеса, остры, как отточенный меч. Мечом сатиры и юмора Гейне разил беспощадно, кроша мозги, уничтожая всех достойных уничтожения.“

Каждая его вещь написана от сердца. Он много ненавидел, но еще больше любил; много смеялся, но еще больше плакал, и очень много страдал от болезни, которая называется общим горем, мировой скорбью“.

(„Генрих Гейне“, „Народная библиотека“, книга 1)

В своем письме к Якову Динезону (1908 г.) Шолом-Алейхем говорит о себе, что он в своих писаниях представляет полную про-

тивоположность Динезону. Тот сентиментален, слезоточив, „точно береза“, только тем и занимается, что утешает и прощает, а он, Шолом-Алейхем, применяет свой критико-юмористический художественный метод, его юмор не отгорожен от сатиры и, так как высмеивает он иллюзии обманутых людей, в горестном положении которых виновата капиталистическая действительность, то жало его часто сопровождается слезой.

„Вы ведь знаете меня—я не принадлежу к категории больших нытиков. Боюсь, что я—полная противоположность вам, Динезон. Вы жалуетесь, плачете и льете слезы, точно береза, а кончаете всегда сладким словом, мягким утешением. И уходишь от вас в приподнятом настроении, слегка розмякшим, но довольным, счастливым, согретым, обласканным и в высшей степени обнадеженным. Совсем не то у меня—ха-ха-ха да хи-хи-хи, шумно, весело, кого щипнул, кого дернул, кого кольнул, щелкнул, порой тут же—и вздох, и стон, и слеза, а потом снова—ха-ха-ха да хи-хи-хи, и, уходя от меня, люди чувствуют себя, кажется мне, немного того...

Мне представляется, что говорят обо мне так: „Негодяй этот, кажется, в общем, ничего себе. А на проверку выходит, что ну его к лысому бесу“...

Сатира была в творчестве Шолом-Алейхема органическим элементом, и здесь писатель чувствовал себя как дома. „Шутить, высмеивать, насмехаться, залезть человеку в душу, и все-таки доставить читателю удовольствие, чтобы он и за мое глумление любил меня—вот на это, видите ли, я горазд, это я могу сколько угодно“. (Из письма, написанного в 1886 г.)

Проникая в сокровеннейшие глубины народной души, живя страданиями и радостями народных масс, Шолом-Алейхем ярко и красочно отобразил их протест против несправедливого социального строя и вековую ненависть к богачам и эксплуататорам. Шолом-Алейхем создал многообразную галерею всевозможных типов богачей: богачей крупных, средних и мелких; богачей-аристократов, уродливых в своей кичливости; богачей-выскочек и потомственных, богачей старого покроя и богачей новой формации. И всех он обнажает и мастерски подрывает своей сатирой.

Первый значительный роман Шолом-Алейхема „Сендер Бланк“ (1887) являет собою полную противоположность тем разнообразным покаянным мотивам, которыми в то время, благодаря погромам, полна была вся еврейская литература и публицистика. Прежние радикалы и „социалисты“ типа док-

тора Каминера советовали остерегаться „кислой сатиры“, „ледяной критики“ в отношении еврейского быта и звали назад, к старому укладу, к мнимой идиллической целости и единству еврейской семьи, к мнимой спаянности и единству еврейского народа. Шолом-Алейхем, этот великий реалист, который отражал интересы истинного народа, т. е. интересы трудовых народных масс, с помощью своей острой сатиры показал в своем романе, насколько ложны пути, проповедуемые перепуганными и разочарованными Каминерами: Нет и не будет все-израилевской (все-еврейской) идиллии. Между сапожником, портным, столяром, грузчиком — вообще, между „мозолистыми руками“ и богачем никогда не будет мира. Трудящиеся отлично знают, что Сендер Бланк, „достаточно загребал чужими руками, что он достаточно попил их крови, и поэтому они с гордостью противопоставляют богатствам Сендера Бланка свои честные трудовые гроши.

„Я тоже портной, а все же и не думаю стыдиться своей профессии. Лишь бы не быть бездельником, кровопийцем, ханжой“. („Сендер Бланк“)

Глубокая пропасть с самых малых лет отделяет младшего сына Сендера Бланка, Маркеля, от сына извозчика Лейзера. На лбу у Маркеля начертано:

„Деньги у тебя будут, но скотом ты останешься“.

• А на лбу у сына извозчика Лейзера начертано как раз обратное:

„Скот у тебя будет, но бедняком ты останешься“.

Здесь Шолом-Алейхем с особой силой показывает ханжескую извращенность и духовное ничтожество буржуазной семьи. Ей чуждо чувство любви, нежности и искренней преданности. Члены буржуазной семьи одержимы одним чувством, одной страстью — к деньгам. И нет того преступления, той низости, на которую любой из них не был бы способен во имя этой страсти.

Из-за наследства, из-за доли богатства Сендера Бланка, которую каждый из детей стремится заполучить, все ждут не дождутся смерти отца.

Вот циничный, завуалированный лицемерием, диалог, происходящий между Ревекой, дочерью Сендера Бланка, и ее мужем Осипом:

— „Право же, Ревека, давно пора, чтобы твой „старик“...“

— Чем он тебе мешает?

— Я думаю только о твоём благе, Ревека! Честное слово...

— Прошу тебя, не разговаривай со мной так, Осип!

— Гм...

— Как ты „его“ находишь, Осип?

— Плохо, очень плохо, Ревека. Сегодня—завтра... Честное слово!

— Брось, ради бога! Типун тебе на язык!

— Гм...

— А что доктор сказал, Осип?

— Доктор говорит, что „он“ должен писать завещание, потому что...

— Твой доктор так же глуп, как и ты!

— Гм...

— Я полагаю, что у него где-то спрятано готовое завещание. Как ты думаешь, Осип?

— Я расскажу тебе, Ревека, но ты же на честное слово мне не поверишь. Так вот, клянусь, если я лгу, пусть меня гром разразит на месте, пусть я завтра не встану, честное слово...

— Ага! Ты клянешься? Значит, ты несомненно врешь! Довольно, Осип, довольно!"

Все с нетерпением ждут смерти отца. И как велико их огорчение, когда Сендер Бланк выздоравливает, и все надежды на наследство лопаются как мыльный пузырь!

„Натянутым, страшно натянутым было прощание и отъезд детей господина Бланка.

Каждый чувствовал это, каждый ощущал такую горечь, такую тяжесть в душе, такую внутреннюю опустошенность. Но сказать вслух, сознаться в этом другому никто не хотел и не мог“.

Безмолвная трагедия: отец не умер.

Об этих „славных героях“ Шолом-Алейхем в своем романе пишет: „Мы имеем право про себя и меж собою разговаривать, беседовать, сожалеть и насмехаться над всеми, с кем мы познакомились здесь, никто не может нам помешать, на то ведь я писатель“. („Сендер Бланк“)

Но досточтимые Лернеры и Левинские как раз делали все, чтобы помешать Шолом-Алейхему. На него нападали со всех сторон, подняли шум, обвиняли в клевете на еврейскую семью, на весь еврейский народ. Шолом-Алейхему „дружески“ советовали сменить разоблачительную сатиру на „фантазию и поэзию“, прихорашивающие и украшающие жизнь.

Позднейшая буржуазно-националистическая критика, признавая, что „Сендер Бланк“—произведение сатирическое, утешались, однако, тем, что это единственное произведение такого рода и что больше нигде в творчестве Шолом-Алейхема сатиры не найти. Но это утешение было абсолютно ложным.

Наряду со своим исключительным юмором Шолом-Алейхем не уклонялся также и от линии сатиры до последнего дня своей жизни.

В десятках рассказов, новелл, монологов

и пьес Шолом-Алейхем неустанно срывал маску с богача, с кровопийцы.

В своей комедии „Якнегоз“ (1894г.) Шолом-Алейхем „выставляет на посмешище всю Егупецкую биржу со всеми спекулянтами, маклерами, от самого крупного до самого мелкого“ (Из предисловия автора к названной комедии). Он самым резким образом разоблачает „аристократических“ дам, „ужасных сплетниц“, новоиспеченных богачей и банкиров, живущих грабежом, разбоем и надувательством, их отвратительный, безнравственный образ жизни, их кутежи и карточную игру. Все эти герои сами не могут хорошего слова сказать друг о друге. Они оценивают и характеризуют друг друга как лицемерных и двуличных, как мошенников и шарлатанов.

„Прямо беда, — жалуется новоиспеченный богач Пастернак. — Раньше, когда у меня не было денег, жена моя была человеком, как все люди“... С приобретением капиталов вся спекулянтская компания, как и семья Бланка, теряет всякий человеческий образ, всякую искру человечности.

В рассказе „Летние романы“ (1914—1915) Шолом-Алейхем пригвождает к позорному столбу „настоящих аристократов золотого знамени“, касриловских „Ротшильдов“ и

„Бродских“, олицетворяющих собою не только нравы местечковых, но и городских богачей.

Первым признаком их аристократизма служит то, что они якобы не понимают ни слова по-еврейски. Мадам Ротшильд не перестает тараторить на касриловском русском языке: „Ах, какой горячий день сегодня!“ Им нет дела до того, говорят ли они правильно или неправильно. Важно, что у них есть деньги. А у кого есть деньги, тот все знает и все умеет. „На что нам воздух, когда у нас есть деньги?“ — говорит чопорная мадам Ротшильд.

А вот образ молодого аристократа, нарисованный Шолом-Алейхемом:

„Парень фартовый, известного покроя, кончил коммерческое, любит картишки и якшается со всей шантанной публикой. Знает на зубок все опереты и самый сложный мотив высвистывает губами. Днем ходит сонный, а по ночам бодр. Котелек сидит у него на макушке, пиджачек „аля клеш“ висит как раздетый, тросточка тонка и шикарна“.

Все эти Бродские и Ротшильды, деморализованные и паразитствующие дамы и мужчины не понимают, зачем существует на свете „так много бездельников, всяких праздношатающихся, нахалов и тунеядцев, которые только и знают, что умирать с голоду и издыхать от холода“.

С свойственной ему ядовитой иронией Шолом-Алейхем высмеивает сибаритствующих дам, которые целыми днями пальцем о палец не ударят и смеют с наглостью паразитов сетовать на тех, у кого нет хлеба, чтобы утолить голод.

Не менее подлыми, чем циничные разглазничания о голодных, представляются также их благотворительные дела—их манера дарить раз в год несколько полен дров и ложку жира тем самым людям, которых они же грабят и эксплуатируют, превращая в „умирающих с голоду и издыхающих от холода“.

Не лучше циничных богачей-выскочек выглядит и старый потомственный богач дядя Герц (из рассказа „Трапеза“), который „не только богаче всей родни“, но является также и „первейшей персоной у нас в местечке, и даже в округе слышишь во всех местечках: Герц, Герц и еще раз Герц“. Своими „злыми серыми глазами“ он смотрит на всех „свысока, дескать: Куда вам, мерзавцам, тягаться со мною? Я—богач Герц, я разъезжаю в карете, а вы—кастрилики, голодранцы, бедняки и шлепаете по грязи“.

Бедная родня, один раз в году являющаяся к нему в гости—на трапезу в честь праздника „пурим“, цепенеет от страха при виде его злых глаз или услышав его властное

покашливание, требующее уважения к его особе:

„И ты хоть и голоден, а кушать не хочется—сразу как рукой аппетит отняло“.

Дядя Герц предлагает говорить, рассказывать что-нибудь, но „родня молчит, никто слова не смеет вымолвить за столом у дяди Герца“.

Невзирая, однако, на езуитский характер, которым дядя Герц отличался при жизни, никто и ничто не помешало после его смерти вычеканить на его могиле золотыми буквами: „Здесь покоится муж честный, добрый, сердечный и приятный, щедрый благодетель, отзывчивый, чуткий и преданный друг, и еще и еще“.

Эти незаслуженные достоинства еще больше усугубляют иронию автора, его саркастическую язвительность.

Реб Симхеле богач („Самый молодой из королей“, 1904) „оплакивает“ своего слугу Рефоэля, умершего прежде времени.

„— Что я могу вам сказать? Что я могу сказать?—жаловался он встречному и поперечному.— Это для меня такой убыток, такой убыток, что и сказать трудно!“ Рефоэль для него был доходной статьей, слугой, из которого он выжимал последние соки, и смерть такого слуги для него—только убыток.

А когда несчастная вдова Рефоэля прихо-

дит к богачу реб Симхеле и, излив перед ним душу, рассказывает, что хотела бы приобрести швейную машину для своих дочерей, чтобы не дать семье погибнуть от голода, реб Симхеле вполне ее одобряет: „Это замечательная мысль! Очень даже хорошо! Швея и шитье, заработок—прекрасно! Лучше и не надо.“ Но узнав, что она хочет взять у него немного денег взаймы, он вдруг вступает за честь покойного Рефоэля и его дочерей:

„Ты хочешь их в швеек превратить? Бедные, несчастные! И ты хочешь (повышает голос), чтобы я допустил это? Упаси бог! Что я—камень? Глыба? Полено дров? Гм...“

Так сатирически - едко разоблачает Шолом-Алейхем богача реб Симхеле, поймав его, что называется, с поличным на мошеннической уловке и лицемерных фокусах.

Шолом-Алейхем добирается также и до „благообразных евреев с благообразными бородами“, до „сливок“ общества, до избранных из местечка, достойнейших горожан“, которые способны „ради жирного куска стать лжесвидетелями, обманывать и грабить среди бела дня“. („Хабно“, 1905 г.; „Слово за слово“, 1909 г.)

Шолом-Алейхемовская сатира разоблачает американского „олрайтсмена“, богатого хозяйчика, торгующего живым товаром („Человек из Буэнос-Айреса“), и всех „торгующих

в разнос богом, добродетелью и развратом". (пьеса „Рай небесный“, 1915 г.).

Шолом-Алейхем нападает также на буржуазную интеллигенцию, ни в какой мере не отстающую от своих хозяев в отношении двуличности и ханжества.

Меценатствующий доктор Левиус („Блуждающие звезды“) везде ведет себя лицемерно, лживо, и даже сигары бывают у него трех сортов: „получше, похуже и форменная дрянь“. Получше — для себя, а похуже и форменную дрянь — для гостей. От его меценатской „любезности“ у его гостей, бедных актеров (Гоцмах и Рафалеско) кусок застревает в горле, и они положительно оживают, когда просвещенный доктор Левиус, наконец, расстается с ними.

Шолом-Алейхем злобно высмеивает пустых буржуазно-националистических интеллигентов, вращающихся в кругах общества Платона Платоновича Лаксентапова („Что такое ханука“, 1901 г.) и отталкивающих как своей внешностью, так и внутренней пустотой. Вот некоторые портреты: „Молодой человек с красной шеей и прыщеватым лицом“, „кавалер с лошадиным лицом и с белым пробором через всю голову“, „откормленный адвокат с визгливым голосом“, „еврей-аптекарь, не играющий в карты, только когда спит“ и т. д. Все они очень хорошо и с

большим азартом играют в карты, но никто из них не имеет понятия, что такое „ханука“, хоть и собрались они специально за тем, чтобы торжественно отметить этот „национальный“ праздник. „Ханука“—это такой праздник, в который полагается сыграть в преферанс“,—разъясняет один из этой одухотворенной компании. Студент, с синим воротником и золотыми пуговицами, оправдывается: „Право, не знаю, я не здешний, я одессит“. А третий негодует: „Не понимаю! Мы играем в преферанс или занимаемся литературой?“

В картинках „Касриловского прогресса“ в виде обобщения изображаются города Варшава, Вильна, Нью-Йорк, где выросли и не перестают плодиться „различные партии и партийки“, юдишисты и гебраисты, со своими „газетами“ и „политикой“, с референтами и докладчиками, с интервьюерами и борзописцами, сенсационными романами, рекламами, юбилеями и т. п. и т. п.“

Эти „современные господа“ превосходят в своем „руководстве“ и поведении самых закоренелых касриловских торговков. Старосветская газета ортодоксов,—благочестивая „Ермолка“—и современная радикальная газета „передовых элементов“—„Котелок“—мошенническим путем достают интервью, обманывают друг друга, ругаются последними сло-

вами, и так как публика получает от этого удовольствие, „редактора стараются почаше перебивать друг другу косточки, чтоб получилось возможно больше „критики“ и чтоб публика могла пальчики облизывать.“

Газеты полны сенсаций о погромах, пестрят письмами „от молодого человека—девушке, и от девушки—молодому человеку“, щеголяют „сверх-интересными увлекательными романами“ вроде „Запрещенный поцелуй украденной невесты“ или же „Украденный поцелуй запрещенной невесты“.

„Повествования эти размазываются и растягиваются поелику возможно, а для того, чтобы держать публику в постоянном напряжении, авторы ежедневно придумывают новые сенсации, кладут среди бела дня на стол здорового, полного сил героя и сейчас же заново воскрешают его, не ленятся поднять из могилы двух-трех женщин, если они необходимы для ансамбля“...

Мещанская мизерность, безнравственность и извращенность этого интеллигентского болота вырастают перед нами во всем их объеме. Читая все это, вы так и видите перед собою всех этих Гилел Цейтлиных, Ейб Каганов и других, у которых бульварщина служит испытанным средством для того, чтобы затемнить сознание широких масс.

Шолом-Алейхем все время призывал к

жестокоей борьбе с этой „бульварной чумой“ американской формации, считал нужным „произвести дезинфекцию“ в этой литературе, „которая вызывает краску стыда на лице“, обнажить „до-гола буржуазно-гражданскую общественность“—хозяев и социальных заказчиков этой бульварщины—и сам выполнил это блестящим образом в своем „Касриловском прогрессе“.

Шолом-Алейхем не был одинок в своем сатирическом разоблачении богачей и их продажных лакеев. Он находил твердую опору в широких трудовых массах, которые в своем народном творчестве проделывали ту же самую разоблачительную работу. В его произведениях рядом с ним всегда стояли его образы и вместе с ним самым метким образом бросали саркастические, язвительные слова и шутки по адресу аристократов и богачей, по адресу буржуа и его лакеев.

Жители бедного местечка, полностью поработанного двором богача („Ханукальные блины“, 1903 г.), в глубоком возмущении возвращаются поздно ночью „с богатейских блинов“. Говорят о том, как хорошо было бы не прибегать за милостью ко „двору“, к „извергам“ (т. е. к богачам) и к вездесущему Нисену (правая рука богача).

И темная ночь вдруг содрогается от вопля

проклятий по адресу хозяев и продажного Нисена, выжимающего из них последние соки.

„Будь он проклят вместе с родителями и прародителями до самого Адама! Он лютый пес, чтоб ему ни дна, ни крыши! Он хуже всех! Он больше изверг, чем сами „изверги“...“

„Ненавижу богачей. Богач это паук“, — говорит бедная еврейка, поставляющая гусей в богатые дома, и то же самое повторяют „люди“, ремесленники и рабочие. И все вместе они поют свою песню ненависти и презрения:

„Чем больше денег — тем злее собака,
Чем больше богат — тем хуже свиньяка...“

Мудрый человек народа, Тевье, говорит о вульгарном выскочке Педоцере как о „собаке из собак“ и приходит к выводу, что „из свиного хвоста не сошьешь собольей шапки“.

Янкев-Иосель, герой из „Семьдесят пять тысяч“, которому чуть не достался „самый крупный выигрыш“, раздраженный тщетными усилиями поделить невыигранный куш, вдруг почувствовал всю пагубную силу денег и до чего они могут довести человека:

„И кто их только изобрел, думаю я себе, эти деньги, из-за которых люди так мотаются, головой об стенку бьются, друг друга готовы

живьем проглотить—ни тебе брата, ни тебе сестры, ни ребенка, ни соседа, ни друга, ничего на свете нет, только деньги, деньги да деньги“...

Мечту Янкев-Иоселя Шолом-Алейхем превращает в реальную действительность для Шимеле Сорокера. Автор сводит его с авантюристами Вигдорчуком и Рубинчиком, с Файнерами, которые готовы торговать чем угодно, даже собой, и показывает, что стало бы с Шимеле, парнем простецким, если бы он так и остался Семеном Макаровичем—богачем. Он развратился бы, стал бы подлецом, люди его звания, его истинные друзья—„наш народ—игла да утюг—простота“, не смели бы переступить порог его дома, он перестал бы быть человеком, отцом... И все это Шимеле начинает понимать при первом же отрезвлении.

„Захотелось мне миллионщиком стать... Знатности захотелось... Голова вскружилась. Я был опьянен... Как в угаре... Теперь угар прошел, я протрезвился и вижу, что был глуп и что пороть меня надо“...

Через возвращение Шимеле к ремесленному сословию Шолом-Алейхем еще раз показал, какая глубокая бездна, какая непроходимая пропасть лежит между „простолудином“ и богачами-аристократами, и еще раз выразил свою ненависть и презрение

к богачам и глубокую любовь и симпатию к широким народным массам.

Эту глубокую любовь к народным массам, чьим именем Шолом-Алейхем нападал на богачей и аристократов, первым отметил и достойно оценил великий русский писатель Максим Горький. Горький не отделяет в творчестве Шолом-Алейхема его теплый лирический юмор от язвительной бичующей сатиры. „У евреев был Шолом-Алейхем, чрезвычайно талантливый сатирик и юморист“. (из заключительного слова Горького на Всесоюзном Съезде писателей).

Таким его не хотели видеть разношерстные „критики“ справа и „слева“, но таким был и таким остался в сознании широких еврейских масс их любимый великий народный писатель Шолом-Алейхем.

БОРЬБА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА ЗА РЕАЛИЗМ.

Шолом-Алейхем на протяжении всей своей творческой жизни страстно боролся за большую, подлинно-реалистическую литературу, боролся с помощью своих художественных произведений, полемических выступлений и критико-публицистических статей о писателях и их произведениях.

Выступая в защиту реализма Менделе Мойхер-Сфорима и других передовых писателей 60-х и 70 годов, Шолом-Алейхем вел упорную борьбу за дальнейшее развитие этого реализма. Великий писатель называл Менделе Мойхер-Сфорима дедушкой, а себя именовал внуком, идущим по еще неукатанному дедушкиному пути, чтобы создать литературу, созвучную жизни, литературу не только разоблачающую и критикующую отсталость и отрицательные стороны жизни,

но и в то же время ищущую и раскрывающую творческие силы широких народных масс.

Одним из сильнейших препятствий на пути дальнейшего развития реализма Шолом-Алейхем считал бульварную литературу Шомеровского типа, махровым цветом разросшуюся в 80-х годах.

Шолом-Алейхем призывает всех передовых писателей вести неустанную борьбу с бульварной литературой, затемняющей сознание народа и увлекающей его в мир пустых иллюзий. „Когда народные писатели складывают оружие, плодятся черви“, — предостерегает Шолом-Алейхем собратьев по перу в своем „Суде над Шомером“.

И Шолом-Алейхем первый бросается в схватку с бульварщиной, вырывая эту сорную траву литературы со страстностью истинного художника, которому близки и дороги интересы народа. Он ставит Шомера перед судом всего народа и осуждает самым суровым образом.

Шомер „не дает реальной, правдивой картины еврейской жизни“. Своими противными историями про „миллионы и бриллианты, которые валяются у него точно мусор, он разжигает порочную фантазию и отвлекает читателя от действительности“.

Выступая против писаний, подобных сочинениям Шомера, Шолом-Алейхем проти-

вопоставляет им свою художественную программу:

„Все правдивое — хорошо, реально, а это — именно и требует эстетика, поэзия, искусство. Так нужно писать и описывать. Каждый беллетрист обязан дать в своем романе то, что возможно, что в жизни действительно бывает и может быть“.

Шолом-Алейхем указывает на то, что псевдописатели совершенно не связаны с жизнью народных масс, и это влияет на характер их творчества. Вместо живых людей, вместо действительных общественных отношений, вместо сюжетов, отображающих настоящую жизнь, писатели эти преподносят читателю нелепый вымысел. Все романы Шомера скопированы из подобных же русских, немецких и французских бульварных романов, а между тем основная и первейшая задача истинного писателя заключается в том, чтобы быть связанным с действительностью и только эту действительность отображать в своем творчестве.

„Народный писатель, художник, поэт является для своего времени, для своей эпохи, для своих дней зеркалом, в котором отражаются и переломляются лучи жизни, как в чистой воде ручейка отражаются лучи светлого солнца. И именно поэтому идея рождается раньше всего у талантливого

писателя, у предводителя человеческого общества. Именно поэтому, если стрясется беда..., то ощущается она раньше всего тончайшим чутьем поэта, певца народа. Именно поэтому, когда приходит облегчение, добрая весть, радость — на нее прежде всего откликается поэт, одухотворенный литератор. Именно поэтому между народом и писателем существует крепкий, вечный союз; именно поэтому такой писатель является для каждого народа... пророком, заступником, который утешает его в горе, радуется его радостью и проводит все его идеи, мысли, надежды. И поэтому я говорю, что не может быть ни одного жизненного движения, ни одной радости, ни одного несчастья народа, которое не задело бы писателя, и не просто задело, а взяло бы за живое". („Суд над Шомером")

Говоря о том, как бульварный писатель рисует свои образы, Шолом-Алейхем подчеркивает, что все образы Шомера — это „куклы, искусственные фигурки, которые ходят, бегают, сидят и разговаривают". Шомер изображает своих людей только двумя красками: черной и белой.

У него бывают либо „чрезвычайно возвышенные люди, почти ангелы, или же донельзя низкие, безобразно дикие, почти дьяволы". При этом „он не понимает, что

отрицательным героем, разбойником может быть и благообразный еврей, который и не думает маскироваться под тремя вымышленными фамилиями. Он не понимает, что можно быть разбойником и не отравлять, не резать и не грабить ночью при свете луны". („Суд над Шомером")

Шолом-Алейхем выступает также против традиционных стандартных просвещенных героев, и в то время, когда в еврейской литературе начинается период декаданса, он не щадит также символистов и импрессионистов.

Каждый выводимый герой должен быть показан со всем его внешним и внутренним миром, со всеми его радостями и печалью. Писатель должен показать не только наружность героя, но „также все его затаенные уголки, со всеми складочками человеческого характера, со всеми нашими стремлениями и страстями, с нашими удовольствиями и огорчениями, радостью и печалью, — все, что заполняет нашу шумную и суровую жизнь в сем бренном мире; каждый прожитый час, каждый умный и каждый глупый наш поступок — все имеет для писателя-художника большое значение. Собирая все эти мелочи нашей жизни, он потом составляет их воедино и приукрашивает, разумеется, различными красками. Он старается, чтобы все

имело тело и душу, чтобы все жило и дышало, и, добавляя свою фантазию, — по-божески, конечно, а не до бесчувствия, — он создает целое сооружение. Автор должен, понятно, хорошо потрудиться над своим произведением, он должен на это время всецело перенестись к описываемым и изображаемым им героям, как будто он сам находится на их месте. Трудясь над своим произведением, писатель должен любить его, как мать любит своего ребенка, стоящего ей здоровья и крови, и только тогда произведение может иметь приличный вид. Только тогда роман может быть тем верным зеркалом, где каждый найдет отражение действительной жизни, знакомой ему, — и хорошо знакомой, — жизни различных типов, различных людей, со всеми их достоинствами и недостатками — и это само уже является для нас самым лучшим поучением“.

Психологический анализ, строгая индивидуализация предохраняют писателя от опасности натурализма и дают ему, по мнению Шолом-Алейхема, возможность шире и всестороннее отразить через отдельный образ всю обстановку и окружение.

Образы, по мнению Шолом-Алейхема, должны быть взяты из самых глубин жизни, а в основу художественного произведения должен быть положен живой конкретный факт.

Сам Шолом-Алейхем служит нам в этом отношении ярким примером. Работая над своими „Записками коммивояжера“, Шолом-Алейхем, вследствие болезни, на некоторое время лишен был возможности приходить в соприкосновение с живой действительностью. Узнав, что журналист Н. Заблудовский собирается совершить поездку по еврейским городам, Шолом-Алейхем просит его прислать ему материал:

„Меня интересуют типы, встречи, рассказы, инциденты, несчастные случаи, происшествия, любовные истории, свадьбы, разводы, фатальные сны, банкротства, торжества, похороны, — одним словом — все, что услышите и увидите — в гостинице или где вам угодно будет. Одно разве должен заметить: никаких вымыслов, а только факты и факты! Жизнь богата фактами, полна курьезов, кругом — уйма горя, море слез, которые, пройдя через мою призму, сами собою уже станут смешными. („Книга о Шолом-Алейхеме“)

Даже названия городов и имена людей, — подчеркивает далее Шолом-Алейхем в своем письме, — „должны быть указаны точно. Я их уже сам как-нибудь соответственно перемену“.

Писатель „собирая все мелочи нашей жизни, составляет их воедино, приукраши-

вает различными красками с интимной теплотой, с глубоким чувством и фантастическим взлетом, и только после этого произведение. получает „тело и душу“, начинает „жить и дышать“. Так рождались литературные шедевры великого Шолом-Алейхема.

Борьба, которую Шолом-Алейхем вел против шомеризма, воплощена не только в „Суде над Шомером“. Мы наталкиваемся на его выступления против бульварщины в целом ряде его художественных произведений. В качестве оружия в своей борьбе против бульварной литературы и ее методов изображения „красивых“ героев Шолом-Алейхем ввел свой метод изображения людей и событий, свою манеру показа подлинной красоты народной жизни. Шомер давал нарядных „ангелочков“, рисовал фантастических графов и графинь, герцогов и герцогинь, хедерных служек-миллионеров, мелаamedов (хедерных учителей) — богатырей. Шолом-Алейхем же по всем „ступеням иерархии“ ввел читателя в „тот мирок, который называется поэзией“, он орудовал такими персонажами, „которые на первый взгляд кажутся как-будто простыми, весьма обыкновенными человечками, но в действительности они — талантливые, обаятельные люди“.

„Если пишешь для народа и разговари-

ваешь с ним на его языке, ты обязан давать ему такие образы и представлять ему такой персонаж, который хорошо ему знаком. Это значит, что героев нужно брать из его же сферы, из его же среды, т. е. из народа же. А кто знаком с нашим народом, тот знает, что среди простого народа есть гораздо больше героев, чем среди высших классов, которые почему-то называются „интеллигенцией“. Народ должен знать, какими силами он обладает, какие жемчужины валяются среди него и пропадают без толку“.

Открывая „жемчужины“, рассеянные среди народа, Шолом-Алейхем не впадает, однако, в тот ложный романтизм, который прихорашивает и маскирует настоящую действительность.

Шолом-Алейхем дает в своем творчестве резкий отпор реакционным Каминерам, рекомендовавшим остерегаться „ледяной критики“, и нападает на писателей и художников, которые приукрашивают серую действительность. „Еврейская нищета, — говорит Шолом-Алейхем, — лучшее произведение наших писателей“.

Нищета должна быть показана такой, какая она есть, во всей ее наготе и серости, и только тогда можно раскрыть истинные корни зла и найти верный путь для лечения тяжелых ран бедноты. Исходя из этой реа-

листической художественной предпосылки, Шолом-Алейхем ставит в пример Менделе Мойхер-Сфорим и Линецкого, применяющих методы реализма и сатиры при изображении жизни еврейских масс.

В этой его борьбе за реалистическую литературу, которая должна дать отражение и откликаться на нужды народа, приходя ему на помощь „всем, что ему нехватает и что полезно ему“,—мы встречаем Шолом-Алейхема на „Литературном рынке“ в роли „книгоеда“—рецензента, разоблачающего и изгоняющего литературных мошенников, вроде Длугачей, „которые захлебываются плоскими словечками, глупыми остротами, грубыми шутками, как скоморохи или паяцы, без всякой программы, без всякой цели, без смысла, ни к селу ни к городу—просто ради остроумничанья... с похабностью дворника, чтобы заполучить у народа по 25 копеек“. („Книга о Шолом-Алейхеме“)

В нападках Шолом-Алейхема на мнимый юмор сформулирована установка, что „в юмористических произведениях должны быть, как и всюду, программа, цель, смысл и содержание“.

Шолом-Алейхем атакует также всех тех „изобретателей“, которые „научились превращать бумагу в тряпки“. Он неумоимо осушал зловонное болото Шомеров.

„Я осушу, — пишет Шолом-Алейхем, — это великое болото, в котором бедная еврейская литература увязла по горло. Хочу проложить дорогу в пустыне, дорогу к Абрамовичу“. Этой своей „литературной мелиорацией“ Шолом-Алейхем оказал колоссальную услугу еврейским народным массам и дальнейшему развитию еврейской литературы.

Шолом-Алейхем, между прочим, никогда не ограничивался в своей борьбе тем, что разоблачал и критиковал отвратительную ханжескую ложь бульварной литературы. Он наряду с этим неустанно заботился о создании истинной литературы, истинного искусства для народа. В том самом году, когда опубликован был его „Суд над Шомером“, он уже готовит к печати „Еврейскую Народную Библиотеку“. Шолом-Алейхем как нельзя лучше знал, что самым верным оружием для того, чтобы взорвать зло изнутри и привлечь читателя, является настоящее искусство.

Своим памфлетом „Суд над Шомером“ и своей серией статей об отражении еврейской нищеты в еврейской литературе Шолом-Алейхем фактически создал основу еврейской литературной критики. В сборниках „Еврейская Народная Библиотека“, которую издавал и редактировал Шолом-Алейхем, он выступает как вождь и организатор еврей-

ской литературы. Стремясь развить свои литературные взгляды, свою литературную программу, он группирует вокруг себя лучшие творческие литературные силы, как Менделе Мойхер-Сфорим (Абрамович), Линецкий, Перец и др.

Националистические реакционные силы на-смерть испугались поднятой Шолом-Алейхемом борьбы за реализм в еврейской литературе. Они вдруг увидели, как все, что они так старательно строили и укрепляли, начинает рушиться под натиском Шолом-Алейхе-ма. И они все объединились для атаки на Шолом-Алейхе-ма. Единственная в то время еврейская газета „Юдише Фолксблат“, служившая в руках редактора Леви трибу-ной реакции и консерватизма, заступает за обиженного Шомера и не перестает изо дня в день печатать клеветнические статьи против Шолома-Алейхе-ма, против его „Народной Библиотеки“ и против его творчества. Но Шолом-Алейхем с достоинством настоя-щего народного писателя отбивал все атаки и неуклонно шел своим путем.

Оправдываясь за невыход в свет третьего сборника „Народной Библиотеки“, Шолом-Алейхем пишет в одном из своих писем, что ни-кто не знает, какую тяжелую борьбу пришлось ему выдержать за свою „Библиотеку“, сколь-ко любви и нежности он вкладывал в каж-

дую страницу, в каждую строчку, слово и букву. И кто может заподозрить, кто может сказать что-либо „против того, кто не обращал никакого внимания на деньги, на самолюбие, на ругань и доносы, на лесть и интриги, на издевательства, на злые еврейские языки и еще и еще и еще.“ („Койл Мевасер“, Одесса, 1892 г.)

Двадцать лет спустя, когда волна бульварщины, на почве реакции, наступившей после 1905 г., снова стала подниматься и заняла в России очень твердые позиции, Шолом-Алейхем, хоть он и находится в Америке, в окружении „олрайтсменов“, снова выступает в защиту интересов литературы против бульварной чумы. В своем письме в редакцию „Ди найе велт“ (1909 г.), предложившую Шолом-Алейхему дать роман, который послужил бы противоядием бульварным романам, публикуемым в варшавской прессе, Шолом-Алейхем пишет:

„И действительно, пора было бы дезинфицировать тот сорт литературы, из-за которого лицо горит от стыда, что дожили мы до определенных американских вкусов и вернулись к старому шомеризму, который мы когда-то—20 лет назад—после такой упорной борьбы уже было выкурили“.

Борьба с „американскими вкусами“ была не менее тяжелой, чем борьба с шомеризмом. Шолом-Алейхем сам не раз чувствовал это в своей литературной практике. Он рассказывает, сколько ему пришлось вытерпеть от „американских вкусов“ из-за своей пьесы „Клад“.

Комедию „Клад“ никто в Америке не хотел принимать потому, что она слишком литературна. Ему предложили переделать комедию в оперетту „с пением и с танцами“. Яков Гордин дает отрицательную оценку пьесе Шолом-Алейхема. Варшавские редактора беспрерывно требуют от Шолом-Алейхема:

„Фабулу! Фабулу давайте! Поменьше типов, побольше фабулы! Поймите, что за адская работа была—суметь пробить гиппотамскую шкуру тех, которые облизывают пальчики от „Дамы под вуалью“, и заставить их читать с интересом также и мой роман“. („Книга о Шолом-Алейхеме“)

В этой „адской работе“ вытравливания бульварных „дел-мастеров“ с помощью своих захватывающих занимательных романов Шолом-Алейхем никогда не изменял подлинному искусству, реализму. Увлекательное и захватывающее в его произведениях является не результатом выдумки и вымысла, а вытекает именно из правдивости его повествования:

После наступившей в 1905 г. реакции одновременно с оживлением бульварщины стали в еврейской литературе возникать мистицизм, формализм, импрессионизм. И против всего этого Шолом-Алейхем выступал со всей остротой своего талантливой пера.

Даже Перец, которого Шолом-Алейхем считал огромным талантом, не был пощажен им за его символические повести.

В своей статье „Неделю с И. Л. Перцем“ Шолом-Алейхем рассказывает, что он резко критиковал мистические поэмы Перца, особенно, „Золотую цепь“, которую сам Перец, к слову сказать, считал одним из своих лучших произведений.

Шолом-Алейхем не перестает все время насмехаться над теми „современными писателями, которые пришли в литературу с совершенно новым видом декаданса“. Он вскрывает пустоту и бессодержательность декадентов и формалистов, в произведениях которых он усматривает одни только ничего не значущие слова:

„Просто слова, высокие, дутые, округленные, заостренные, страшные слова, с обилием многоточий и тире. Вдобавок—две-три картинки, умирающее деревцо, кивающая веточка, тоскующая птичка, смеющийся ветерок, плачущая кошечка—и готово!“

„Никакого сюжета, ни капельки психологии, ни тени изобразительности, типов, характеров—лишь бы красиво звучали (не всегда, впрочем, красиво) слова, лишь бы трудно было понять содержание—чем меньше содержания, тем больше настроения! Когда-то оно называлось „краснобайством“, а сейчас называется „настроением“. („Книга о Шолом-Алейхеме“)

Ясность, простота, понятность—вот основные элементы художественного творчества, и их Шолом-Алейхем категорически требует от каждого писателя.

„Казалось бы, что может быть честнее, проще, здоровее и милее, чем говорить просто, как все люди говорят?“

Рецензируя в своем же сборнике „Койл-Мевасер“ книжку стихов Переца, Шолом-Алейхем пишет, что—это не стихи для народа, что „книжка, бедная, просится, благим матом кричит: „Толкуйте меня!“ Каждое отдельное стихотворение нуждается в комментарии, а это не годится“.

„Перец—это Перец, но поэзия—не ублюдок, поэзия должна раньше всего иметь мысль, и мысль эта должна быть высказана так, чтобы ее поняли, чтоб было за что ухватиться, особенно, когда пишешь для народа на жаргоне. Тут-то именно и требуется, чтобы было кое-что сказано, а не

просто дана была мешанина из чудовищных высоких слов“.

Шолом-Алейхем требует, как в поэтическом творчестве, так и в прозе, мысли, меры и границы, сочетания глубины содержания с мастерством формы. Для того, чтобы каждое слово проникало в душу, оно должно исходить из глубины души. Писатель творит для народа и должен поэтому, берясь за перо, всегда помнить о читателях, о широких народных массах.

„Еврейская литература раньше всего — народная литература, которая может расти только с ростом народного читателя. Но если писатели начнут писать наперекор народу, то в конце концов останутся одиночками, без читателей — читатели, за неимением выхода, вернутся назад к Шомеру“.

Шолом-Алейхем, больше всех других писателей черпавший из народных богатств и народной мудрости, настаивает, что для создания подлинных реалистических произведений необходимо широко использовать эту мудрость, а также народный язык, где слово воплощает в себе жизнь и думы, радости и печали широких масс.

„Насмешка — это наш, еврейский стиль. Какой еврей не любит выслушать веселую историю, шутку, прибаутку? Когда еврей не расположен пошутить, не от чрезмерной

роскоши, конечно, а напротив, с горя, от бедности, подавленности, от вечной заботы о хлебе насущном? Разве может быть лучшее удовольствие, чем стоять у ворот и подтрунивать над старостой общины, посмеяться над богатым содержателем таксы, не считаясь с лицами и званиями?"

„...Еврейская легенда создала своих скоморохов, шутов и насмешников, одарив их в каждом крае своим именем: Шмерл Шнитковер, Иосл Маршалек, Гершеле Остропо-лер, реб Шлойме Людмирский и много других. Что за люди они были—трудно сказать; но анекдоты, рассказываемые о них, порой отличаются глубиной, остротой и насквозь пропитаны смертельным ядом сатиры“.

К народному творчеству нужно, однако, подходить критически, надо уметь дифференцировать и произвести соответственный отбор.

„Не все, вызывающее смех, остроумно, и не каждая шутка забавна. Бывают остро-ты глупые, шутки без соли, прибаутки без перца“.

Чем строже были требования Шолом-Алейхема и чем шире раздвигался круг проблем в литературе, тем более критически относился Шолом-Алейхем к самому себе и ко всем остальным писателям.

Любя еврейскую литературу, он никогда

не лицемерил в своих литературных оценках, а всегда открыто высказывал то, что думал, и был беспощаден там, где чувствовал, что тот или иной писатель отступил от реализма или же взялся за то, что ему чуждо и незнакомо.

„Я не комплиментщик, я, наоборот, скуповат на комплименты“.

Когда Линецкий, отступив от пути реализма, начал изощряться в календарном остроумии, сыпать молитвенными цитатами и выкидывать шутовские коленца, Шолом-Алейхем писал:

„С болью в душе смотрит теперь серьезный читатель, помнящий талантливое Линецкого прежних дней, на его всякие „Трещетки“ и „Веники“, на эти летучие листки, вызывающие улыбку и слезы, смех и глубокий вздох по поводу печального состояния талантливого писателя“. („На литературном рынке“, „Юдише Фолксблат“, т. I)

Иронически относясь к сентиментализму Линецкого, Шолом-Алейхем нападает также и на Гольдфадена, который часто приспособляется к уличным вкусам.

А когда Спектор опубликовал в Петербургской газете „Дер Тог“ фельетон в форме диалога между юмором и сатирой, Шолом-Алейхем зло и саркастически посмеялся над ним:

„Ты нацепил на себя мочалку, бумажный колпак ряженого, вроде паяца с колокольцами, и взобрался на самый верх крыши Касриловской бани — и это считается, что Спектор показал фокус, какую-то сатиру! Куда тебе до юмора и сатиры? Не твое это дело“...

Писатель, — далее доказывает Шолом-Алейхем Спектору, — не должен прибегать к тому жанру, который он не в силах одолеть, не должен браться за темы, которые ему недостаточно знакомы. Ибо писатель должен быть полностью проникнут как своей темой, так и жанром. Свои замечания относительно Спектора Шолом-Алейхем заканчивает следующими словами:

„Там где ты остаешься собою, там будешь моим. В противном же случае, ступай в преисподнюю (упаси боже!) и пеки калачи“. („Книга о Шолом-Алейхеме“)

Шолом-Алейхем не щадит даже самого „дедушку“ Менделе Мойхер-Сфорима, которого считал своим учителем. Редактируя для „Народной библиотеки“ книгу „Волшебный перстень“, он выбрасывает оттуда целую главу, а из другой главы вычеркивает вплетенную туда песенку. А когда „дедушка“ стал протестовать:

„Ради бога, не будь злым внуком и не мучь дедушку!“

Шолом-Алейхем ответил ему:

„Такое подобает Готлоберу, а не вам. А теперь убейте меня, терзайте меня, режьте меня. Мне каждое ваше слово дороже, чем мое собственное. Если я делаю ошибку, у меня есть оправдание: я все же внук. Но если дедушка, увы, попадает в шарж, то внук низачто этого не допустит“.

Значительно более критически, чем к чужим вещам, Шолом-Алейхем относится к своим собственным произведениям:

„Я верю всем, только не себе. Во мне сидит кто-то, какой-то Мефистофель, который все смеется, подтрунивает и издевается над моими писаниями. (Книга о Шолом-Алейхеме“)

Шолом-Алейхем, о котором Менделе Мойхер-Сфорим говорил, что „он рождает свои произведения так же легко, как курица — яйцо“, что он неисчерпаем и пишет „на ходу, на бегу, сидя в чужом кабинете, едучи в трамвае“, этот Шолом-Алейхем имел десятки вариантов каждого своего произведения, десятки раз переписывал каждую строчку и тщательно шлифовал каждое слово.

„Я отдаю все свои соки и силы, кровь и мозги, я шлифую, полирую и переписываю каждую главу по меньшей мере шесть раз (а иногда и десять)“.

Шолом-Алейхем заботился о каждом отдельном слове, стараясь, чтобы оно действовало, было выразительно, соответствовало бы данным условиям и помогало бы ему выполнить его художественную задачу.

Работая над романом „Блуждающие звезды“, в котором использован молдавско-румынский колорит, Шолом-Алейхем обращается к своему зятю Койфману с просьбой назвать ему какое-нибудь имя собаки по-молдавски. „Немедленно пришлите мне телеграмму из одного слова“. Сообщенное ему имя „Теркуш“ так и вошло в роман.

Вот какую заботливость обнаруживает Шолом-Алейхем по поводу мельчайших подробностей своего художественного творчества.

Ту же самую борьбу, которую Шолом-Алейхем вел против шомеризма в литературе, он поднял также и в области театра.

В целом ряде его художественных произведений („Бердичевский театр“, „Блуждающие звезды“), статей и выступлений он доказывает, что балаганщина в театре еще более опасна, чем бульварщина в литературе, так как влияние театра на массы гораздо сильнее, чем влияние литературы.

От театра надо требовать, чтобы он возможно вернее отражал жизнь, чтобы он стал

школой, которая обучает, воспитывает и возвышает зрителя.

К сожалению, — указывает Шолом-Алейхем, — в балаганных театрах приходится слышать „дикие мысли, нелепые монологи, плоские шутки, затасканные остроты, жалкие куплеты и похабщину, гораздо больше похабщины, чем в худшем цирке и самом убогом балагане“.

Писатель, актер и художник только тогда могут создать крупные высоко-художественные произведения, если они относятся с уважением к потребителю, т. е. к читателю и зрителю, если они любят свой народ и стремятся служить ему своим искусством преданно, помочь в его борьбе.

Но актеры старого еврейского вульгарного театра цинически относились к зрителю.

Театрального зрителя они называют не иначе, как „Мойше“. „Мойше“ — это воплощение простоватого существа, с которым особенно церемониться нечего. „Мойше“ все съест. Ничего, желудок у „Мойше“ такой, что все переварит“... („Блуждающие Звезды“, ч. II)

Борясь против балаганщины в России и в Америке, Шолом-Алейхем напрягает все усилия на то, чтобы создать подлинный реалистический художественный театр.

Первым и основным условием построения такого театра Шолом-Алейхем считает создание истинно-реалистического художественного репертуара.

„С улучшением репертуара улучшится также и состав труппы“, — заявляет Шолом-Алейхем и, обращаясь в 1905 году с воззванием к еврейским писателям по поводу состояния еврейского театра, пишет:

„Если верно, что мы народные писатели, то с нашей стороны большой грех стоять издали, слушать, наблюдать и молчать. Большим грехом с нашей стороны является и то, что ученость свою в отношении театра мы показываем, актеров мы критикуем, над пьесами мы смеемся, а делать ничего не делаем“.

И первым, который сделал больше всех для того, чтобы создать необходимый репертуар и помочь талантливым актерам выбрать на верную дорогу, был Шолом-Алейхем.

Пьесы Шолом-Алейхема были тематически разнообразны, насыщены актуальными проблемами, богаты образами и написаны сочным языком, который искрился народной мудростью и остроумием.

Актер в этих пьесах получил максимальную возможность проявить себя во всем блеске своего таланта.

В игре актера Шолом-Алейхем ценил,

точно также, как и в литературе и в любом ином искусстве, главным образом, естественную манеру, реализм, проявление глубины чувства и мысли.

В своих примечаниях к пьесе „Трудно быть евреем“ Шолом-Алейхем просит актеров „быть по-возможности естественными, не наклеивать бороды, не утрировать движений, не кривляться для того, чтобы рассмешить публику“.

В своем письме актеру Джейкопу Адлеру (1914 г.) Шолом-Алейхем пишет, что его пьеса „Молочник Тевье“ не имеет тех эффектов, которыми кормят с еврейской сцены еврейскую публику уж сколько лет. „В моем „Молочнике Тевье“ нет ни душераздирающих слезливых сцен, ни сумасшедших женщин, ни приторно-сладких патриотических песенок, ни нудных острот“.

„Нет, не ищите всех этих фокусов, вы их у меня не найдете.“ Пьеса эта, указывает Шолом-Алейхем Адлеру, должна трактоваться как комедия, а не как трагедия. Ибо, невзирая на все несчастья, которые сыплются на голову Тевье, он остается здоровым, привязанным к своей земле и к жизни, не теряя своего крепкого юмора, остроумия и народной мудрости.

Правда, Тевье нежен, он лиричен, сердечен, но ни в коем случае не сентиментален.

Образец того, как нужно реалистически изображать героя на сцене, Шолом-Алейхем дает в своем романе „Блуждающие Звезды“, рассказывая, как талантливый артист Рафалеско играл роль Уриеля Акосты.

„Он какой-то необъяснимой силой притягивал к себе симпатии всего зала. Уже в самой его манере держаться, уже в одном только голосе его таилась эта сила, которая будила любовь к нему у всех зрителей. Была какая-то особая прелесть в каждом его шаге, в каждом движении, которое он делал на сцене. Переходы же от одного образа к другому были в высшей степени естественны и поражали богатством красок“.

Так, по описанию Шолом-Алейхема, артист Рафалеско давал многогранный образ Акосты. Вот он стоит перед вами молодым мыслителем, а вот он—страстный борец, преследуемый фанатиками. И для каждого отдельного момента, для каждого движения он находит необходимый и соответственный жест, нужную мимику и интонацию слова, что делает его игру действенной и убедительной.

„... Нужно было видеть, как искрились глаза Рафалеско, как играло его лицо, меняясь каждую секунду и отображая всю трагедию жизни Акосты, все муки сердца, все страдания его наболевшей души—и все

это без шаблонных приемов, без затасканных диких гримас, без хватания руками за грудь, без дергания длинных волос парика, без заламывания рук, без хождения широкими шагами по сцене, без кривляния.“

Шолом-Алейхем верил в судьбу еврейского театра, точно так же, как верил в судьбу еврейской литературы.

В 1905 году он пишет:

„Моя судьба и ваша будущность (я обращаюсь к своим последователям) тесно связаны с еврейским театром.“

Шолом-Алейхем верит, что балаганщина из еврейского театра будет изгнана.

„Мы, мы будем хозяевами нашего мира, а эти полевые мыши пойдут ко всем чертям, и имя их будет предано вечному позору!“

И эта мечта Шолом-Алейхема осуществилась на нашей родине. Пьесы Шолом-Алейхема с громадным успехом идут на сценах наших советских театров.

Шолом-Алейхем поднял на огромную высоту честь еврейской литературы, еврейского театра, еврейского языка и еврейского художника. Эту его колоссальную заслугу предстоит лишь оценить по достоинству.

„Маленькое наследство,—скромно пишет Шолом-Алейхем,—я оставляю после своей смерти народу моему, которого я любил большой любовью.“

Не маленькое наследство, а громадное, богатое наследие, которое с каждым днем все больше оживает, становясь все популярнее в нашей социалистической родине, у нашего великого советского народа.

Наследие Шолом-Алейхема—это неисчерпаемый источник, из которого наши советские писатели долго еще будут черпать опыт для создания великой советской народной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

Ш. Биллов, И. Друкер—Шолом-Алейхем (биографический очерк)	5
И. Друкер—Шолом-Алейхем и русская литература	80
И. Друкер—Революционные образы в произведениях Шолом-Алейхема	103
И. Друкер—Сатира в произведениях Шолом-Алейхема	119
И. Друкер—Борьба Шолом-Алейхема за реализм.	142

Ответственный редактор — *Ш. Козинский*
Технический редактор — *М. Резниченко*
Корректор — *М. Дубинский*

Бумага $60 \times 92 \frac{1}{32}$ — 36 кг. $5\frac{3}{8}$
печат. листов. 5,5 учетно-авт.
листов. Изд. №168. Тир. 5000 экз.
Сдано в набор 23/II—39. Под-
писано к печати 25/III—39.
9-я Респ. полигр. ф-ка. Киев,
Красная площадь 2-а.
Уполном. Главлита № 1021